

Поющая для дракона. Книга 2. Пламя в твоих руках

Автор:

[Марина Эльденберт](#)

Поющая для дракона. Книга 2. Пламя в твоих руках

Марина Эльденберт

Марина Индиви

Огненное сердце Аронгары #2

Наша жизнь у всех на виду: моя на сцене, его – на вершине власти. Мир иртханов не примет полукровку без имени, Совет не простит правящему неверного выбора. Мои чувства могут стоить мне репутации, его – развязать войну. Но это не объяснить огням, соединившим нас. Он меня не отпустит, а я не готова от него отказаться. Куда заведет нас эта опасная страсть?

Марина Эльденберт, Марина Индиви

Поющая для дракона. Книга 2. Пламя в твоих руках

Глава 1

Драконы продолжали поливать границы пустоши огнем. Сейчас уже не способные причинить вреда, усмирённые, в записи они смотрелись не менее устрашающими. Беснующиеся хищники, красивые и смертельно опасные.

Страшно представить, что Халлоран был там. Даже на фоне сторожевых башен звери казались огромными, не говоря уже о человеке. Или иртехане. Пусть даже сильнейшем иртехане Мэйстона, за спиной которого вальцгарды – военнообязанные иртеханы, младшие наследники аристократических семей. И все же что-то внутри тонко подрагивало, когда я вспоминала оскаленную морду, тянущуюся ко мне. Тот дракон был спокоен, ярость этих чувствовалась даже с экрана визора, спустя часы после несостоявшегося прорыва.

Умом я понимала, что если бы с Рэйнаром что-то случилось, сейчас бы показывали не драконов. Но усидеть на месте от этого было не легче. Хотелось бежать к нему, на другой конец города, в пустоши, или в Лаувайс, чтобы быть рядом. От этого чувства в груди становилось горячо, словно угасающие на границе города пожарища нашли продолжение во мне. И все-таки я заставляла себя сидеть и смотреть эту дурацкую передачу, сжимая в руках мобильный.

В студии центрального телеканала, под огненно-серебристой эмблемой устроился Вэлис Горальски, известный ученый-драконолог. Ведущий слушал его внимательно, и сдается мне, сейчас это было не отрепетированное шоу. Происходящее волновало всех, кто собрался у экранов визоров и всех участников экстренного выпуска.

– Сейчас мы можем только гадать, что именно спровоцировало драконов.

– Но какие-то предположения у вас есть?

Чего я ждала? Что Рэйнар позвонит?

Это вряд ли.

У него наверняка столько дел, что выдохнуть некогда. Нужно разобраться в причинах случившегося, выслушать отчеты, а после готовиться к завтрашней пресс-конференции, на которой его будут забрасывать вопросами. Потому что династия Халлоранов – последний оплот. Потому что это случилось, а он правящий.

– В том-то все и дело, что причин может быть множество, – Горальски развел руками. – Агрессия зверя непредсказуема, иначе налетов можно было бы избежать.

– То есть это может быть вызвано чем угодно?

– Именно. Драконы яростно оберегают границы своих владений, свое потомство, своих сородичей. Возможно, им что-то угрожало, или они сочли что бы то ни было угрозой.

– Значит ли это, что мы не защищены от таких вспышек в дальнейшем?

– К счастью, нас защищает Лаувайс.

Ученый натянуто улыбнулся. Внимательные серые глаза, в которых играли бликами линзы, казались встревоженными.

– Мы сейчас говорим не о единичном случае? Каковы ваши прогнозы на повторение ситуации и в течение какого времени?

– Боюсь, предугадать это невозможно. Это может случиться завтра. Или через сотню лет.

– И все же. Более ста лет мы жили спокойно...

– Это не совсем точно, эстерд Рихт. Подобные волнения уже были. Во времена правления Дихарта Халлорана, а после Керрана II, деда местра Халлорана.

– Но в те времена нас не оберегала Лаувайс. Могли ли перебои в защите вызвать этот всплеск?

– Думаю, на этот вопрос никто не ответит лучше местра Халлорана.

Я раздраженно постукивала пультом по колену, с трудом справляясь с желанием выключить визор и что-нибудь разбить. На месте удерживало только осознание, что если я перестану слушать эту провокационную болтовню, начну метаться, как Марр во время нападения. Сейчас начнут нагнетать – какого, спрашивается? Люди и без того напуганы, но СМИ на то и СМИ, чтобы выдоить из этой темы все соки до официального заявления.

Не удивлюсь, если завтра их стараниями наиболее впечатлительная часть населения Мэйстона будет сидеть на чемоданах, высчитывая, сколько денег нужно на телепорт для всей семьи. Что самое смешное – никто даже не задумывается, что за все время правления Халлоранов в городе не было налетов, а такие заявления только доводят панику до небывалых высот.

– Леа? – голос Танны из-за спины. – Можно я к Имери съезжу? С ночевой?

Отпускать сестру к подруге не хотелось, особенно отпускать в тот район, из которого отлично просматриваются пустоши. Но и удерживать не имело смысла: все уже в порядке, драконов отогнали за горы, пожары потушены, а девчонкам есть что обсудить. Тем более что в школе сестра особо ни с кем не дружит. В компании Имери она себя чувствует гораздо лучше, чем с одноклассниками.

– Хорошо, – кивнула. – Только завтра в первой половине дня – домой. Уроки делать.

– Обязательно! Ты лучшая.

Танни метнулась к лестнице, а я все-таки выключила визор и поднялась. Смотрела на мобильный. Перебирала в уме фразы, с которых можно было начать разговор, но все они казались либо слишком пресными, либо глупыми. В итоге написала простое, ни к чему не обязывающее: «Как ты?» – и отправилась на кухню, варить кофе. Обычно меня это успокаивало, но сейчас я то и дело поглядывала в сторону молчащего телефона и думала о том, что услышала и увидела за последние несколько часов.

Получается, волнения все-таки были, просто в школьном курсе истории они не упоминаются.

Знать бы еще, чем они вызваны. Из материалов Рингисхарра я узнала, что у драконов, живущих поблизости, создается единое энергоинформационное поле. Они чувствуют друг друга, и могут мысленно посылать зов на расстоянии – отсюда и способности к телепатии у сильных ирлханов. То есть теоретически, если один дракон разъярен, у других это может вызвать ярость.

Но Горальски однозначно прав в одном: гадать можно до бесконечности.

Кофемашина с шипением выплюнула в чашку первую струйку, над кухней поплыл резкий горьковатый аромат, и в ту же минуту зазвонил телефон. Это оказалась Лэм: я пыталась дозвониться до нее чуть раньше, но подруга не отвечала.

– Нет, ты представляешь, а? – она решила обойтись без приветствий. – Я значит, стою, втираю одному ир்தхану масло в его высшую задницу, а тут ему срочный звонок. В жизни не видела, чтобы мужик с такой скоростью одевался. Вылетел за дверь, а вместо него Нийша, наша администратор, вбегает – во-от с такими глазами: ты видела, говорит, что по визору показывают? Щас от нас одни головешки останутся. Ну я и стою – с руками в масле и воспоминаниями об ир்தхановой заднице. И думаю – о чем? О том, что у меня драконовы купальники сгорят вместе с сертификатом на бракосочетание. И что я Дрэйка перед уходом сегодня не поцеловала.

За что люблю Лэм, так это за чувство юмора. Подход к жизни у нее такой: либо смейся, либо убейся. Неудивительно, потому что жизнь у подруги была не сахар. Родители разошлись из-за того, что отец выпивал, а первый бойфренд обожал пускать в ход кулаки. Попрекал, что жрет она много, а денег в дом не приносит. К счастью, Лэм нашла в себе силы его послать и выбраться из той задницы. С тех пор философия целебного смеха в ней укоренилась напрочь, вместе с легким налетом цинизма. К счастью, Дрэйк немного отогрел ее сердечко.

– Ничего, вечером поцелуешь, – хмыкнула я.

И подумала, что сама безумно хочу поцеловать Халлорана.

Так безумно, что губы горят и кончики пальцев покалывает.

– Я честно думала, что без клиентов останусь. Но пока мы липли к визору, у нас всего три записи отменилось. Некоторые даже посмотрели с нами, поахали, обзвонили всех кого только можно, и по кабинетам разбрелись.

Драконы драконами, а красоту наводить надо.

– Рада, что твой день прошел не зря.

– Уфф, да. Деньги мне сейчас очень кстати, эта свадьба жрет их, как голодный дракон. Ну а ты где была, когда это все началось?

Эм.

– Я что-то не то спросила? – уловив паузу, живо поинтересовалась Лэм.

– Нет, я просто...

Зависнуть меня заставила Танны, которая кралась к выходу в... той самой юбке. Заметив мой взгляд, на миг остановилась, а потом помахала рукой.

– Я пошла! – и стартанула к двери прежде, чем я успела слово сказать.

Щелкнул замок.

Мысль о том, что Имери может оказаться Миком, пришла ко мне ну как-то очень не вовремя. Потому что я как раз взяла чашку с подставки, но тут Лэм, терпеливо дожидаясь ответа, вдруг завопила:

– Леона, включи визор!

– Я сейчас чуть кофе не облилась, ты в курсе?

– Поставь чашку, иначе точно обольешься, – подруга перевела дух и выпалила: – Там показывают твоего Халлорана. Он в больнице.

Сердце упало, а вместе с ним чашка, поставленная мимо стойки. Кофе ржавой паутиной растекся между черепков, я споткнулась о Марра, вытянувшегося поперек кухонной арки. Расстояние до дивана преодолела чуть ли не в полете, схватила пульт.

– Какой канал? – выдохнула, зажимая трубку между ухом и плечом.

– Девятнадцатый, «Мэйстон Тим».

Носилки стремительно парили по коридору, изрезанному проемами дверей. Сопровождали их быстро бегущие следом Норгхар, немолодой врач и медсестра. Камера двигалась над ними, управляемая невидимым оператором, но когда попыталась взмыть выше, начальник службы безопасности неожиданно повернулся. Под таким взглядом глазок только чудом не заledenел и не рассыпался крошкой.

– Уберите отсюда журналистов, – сказал он.

Сказал так, что потрянуло даже меня.

Последнее, что я успела увидеть – темные волосы Рэйнара, слипшиеся от крови. Закрытые глаза и бледное лицо. Потом носилки исчезли за дверями лифта, а журналистов оттеснили из холла сотрудники службы безопасности.

– Как я уже говорила, мы находимся перед зданием Центральной больницы Мэйстона... – журналистка говорила быстро, словно боялась, что слова разбегутся раньше, чем она успеет их собрать.

– Охренеть, – голос Лэм.

– ... пока что отказываются давать комментарии о состоянии мэстра Халлорана, который...

– Он действительно туда сунулся! Я-то думала, что все это для проформы – сейчас покажут, как он гордо выходит из флайса, а потом...

– ... По предварительным сведениям, это произошло, когда основная угроза уже миновала...

Голоса подруги и репортерши сливались в единый фон. Так же, как и картинка перед глазами. Бежать туда. Бежать... лететь... Не прерывая связи с Лэм, заказала флайс, и только тут поняла, что меня не пустят в больницу. Меня не пустят к нему, потому что я ему никто. Не мать. Не жена, не сестра. Даже не любовница, хотя сдается мне, толку от последнего было бы мало. Меня вообще не пустят дальше ресепшена, потому что нужен пропуск, а у меня его нет. Я не смогу даже с врачом поговорить.

Так, Леона, соберись. Нужно срочно взять себя в руки.

– Если честно, я всегда считала, что это штучки-дрючки правящих. Ну, перед выборами покрасоваться геройством...

– Лэм, у Дрэйка, кажется, друг работает в нейрохирургии? – крикнула я, на ходу заворачиваясь в куртку и вбивая ноги в сапоги.

– Работает, в экстренной. А зачем тебе это на... – подруга осеклась и добавила внезапно севшим голосом. – Так насчет «твоего», это была глупая шутка, да?

– Мне нужен пропуск, Лэм. Мне очень нужно туда пройти, пожалуйста, – это я говорила уже захлопнув дверь.

Не знаю, в каком он отделении, соображу по дороге. Если смогу попасть внутрь, будет уже проще. Гораздо проще. Ткнула пальцем в оранжевую стрелку и мысленно выругалась. И это называется скоростной лифт? Да я по лестнице быстрее спущусь.

– Я сейчас наберу Дрэйка, а потом перезвоню тебе.

– Спасибо.

Прислонившись к стене лифта, привычно отсчитывающего этажи, обхватила себя руками. Из зеркала на меня смотрела девица с огромными, расширенными от ужаса глазами. Такая же бледная, как Халлоран. Неосознанно провела по волосам, понимая, что забыла даже расчесаться. Вылетела из лифта и бросилась к уже припаркованному на стоянке флайсу.

– Центральная больница, быстрее, пожалуйста.

– Какое крыло, эсса? Там куча парковок.

– Давайте к главному входу.

Как назло, пробки были просто драконовы, а Лэм все не звонила. Я бы сгрызла все ногти, если бы перед выходными не сделала маникюр – сейчас грызть было

попросту нечего. Поэтому я только сжимала в ладонях мобильный и кусала губы.

– Что-то серьезное? – участливо спросил водитель.

– Да. Очень.

Очень.

Эта мысль оглушила, выбила из реальности, заставила замереть. Меня трясло – от кончиков пальцев ног до корней волос. Мелко так, противно. Последний раз меня так трясло, когда я летела в больницу к маме. Врач позвонил и сказал, что ей внезапно стало значительно хуже, и что можно ждать всего. Та больница была попроще, в то время мы не могли позволить себе дорогую страховку, но страх остался тем же. Был он таким же липким, таким же раздирающим сердце и таким же опасным.

Я тогда бежала по коридору, сжимая в руках пропуск, но не успела.

Несколько минут навсегда оставили неслучившуюся встречу моим самым страшным кошмаром. Так же, как лица повернувшихся ко мне Танни и отчима, и спокойное, теперь уже навсегда, мамино.

Но что произошло в пустошах? И какого дракона у него столько охраны, если они это допустили?

Водитель сигналил, как мог облетал тащившихся со скоростью хромых наблов флайсы, но мы все равно еле двигались в общем потоке.

– Это все из-за долбанных драконов, – ругнулся он. – Весь город на ушах стоит. Мне сейчас сестра звонила, говорят, местр Халлоран в той же больнице. Слышали? Охраны там навалом... Хорошо, если на парковку пустят без проверки.

Отвернулась, чтобы не смотреть на бесконечную вереницу транспорта перед нами.

Разумеется, для него сделают все. Разумеется, его вытащат. Просто надо немного потерпеть, и я поговорю с врачом. Или с Норгхаром. Или еще с кем-

нибудь, не суть важно. Они скажут, что все будет хорошо. Обязательно скажут. Все ведь будет хорошо, иначе просто быть не может.

Звонок от Лэм раздался в ту минуту, когда мы подлетали.

– Лапонька, пропуск тебя ждет. Спроси на ресепшене.

– Спасибо, – прошептала, сунув водителю карту заранее, чтобы не терять время. – Спасибо вам.

– Не за что. Ты же знаешь, мы всегда.

Знаю, поэтому ни минуты не сомневалась, когда попросила о помощи. На глаза навернулись слезы, но если сейчас позволю их себе, остановиться уже не смогу. Потерла сухие ресницы и бросилась к переливающейся огнями громаде. Бесконечные ряды мест, большая часть из которых пустовала. В такое время посещения разрешены разве что для родственников очень важных персон, но у них своя парковка.

Полукруглое крыльцо с огромной сияющей над ним вывеской, холод сверкающего камня. Пришлось пробиваться через полчища репортеров, уже слетевшихся на горяченькое. Разумеется, у дверей выставили полицейский кордон: меня пропустили, только убедившись, что к журналистам я не имею никакого отношения. Отовсюду доносились голоса, над больницей парили десятки камер, оставшихся за спиной, когда я шагнула в холл.

Здесь было много света, а еще, несмотря на позднее время, много людей. Ослепительный белоснежный кафель и стальные стены сверкали так, что глазам было больно. Светильники, вмонтированные в двухуровневые потолки, ничем не уступали солнцу. Свободная администратор равнодушно поднесла документы к считывающему устройству, а после вручила пропуск посетителя.

– Кабины очистки на каждом этаже, справа от лифтов, – сказала будничным тоном. – Не забудьте, иначе в отделение вас не пропустит детектор.

Я кивнула и поспешила к информационному стенду. Выбрала общую схему. Так, экстренное – пятое крыло, с шестидесятого по восемьдесят седьмой этаж.

Элитные палаты находятся на трех последних, два этажа прямо под ними – отделение реанимации с восстановительными капсулами. Схема лабиринтов коридора была мудреной, поэтому я сделала фотографию и бросилась к лифтам. Выбрала нужную секцию, перекинулась взглядами с сосредоточенной медсестрой и перевела дух.

Теперь... теперь мне осталось только понять, куда можно сунуться.

И к кому. Чтобы наверняка.

Потому что второго шанса у меня не будет.

Медсестра вышла, и я осталась одна. Сцепив руки за спиной, сложив пальцы колечками на удачу, пыталась собрать разбегающиеся мысли. К персоналу обращаться бессмысленно, значит, остается только ферн Норгхар. Он единственный, кто может мне сейчас помочь. И единственный, разговор с кем не закончится через две минуты.

Первая вылазка прошла неудачно: помимо дверей в отделение, разветвляющихся переходов, спешащего по ним персонала с планшетами и припозднившихся посетителей, я никого не увидела. Никого – то есть постов охраны, которые наверняка будут на этаже, куда после восстановления привезут Рэйнара. С другим этажом повторилась та же история, и только на последнем повезло.

Стоило выйти из лифта, в меня тут же вонзились иглы пристальных взглядов сотрудников службы безопасности. Просторный холл, переходящий в отделение стеклянными раздвижными дверями, сейчас пустовал. Не считая четверых охранников, один из которых сразу же направился ко мне. Я успела только увидеть длинный рукав коридора с матовыми заплатками дверей и прозрачный тоннель, ведущий к другой серии палат. Где врач что-то набирала на планшете, указывая коллеге на экран.

– Простите, эсса, но посещения на этом этаже временно запрещены.

– Мне нужно переговорить с ферном Норгхаром.

– По какому вопросу?

Чего-то подобного я ожидала, поэтому сейчас ответила спокойно.

– Этого я вам сказать не могу. Доложите ему, он меня ждет. Это срочно.

Пару мгновений меня достаточно пристально изучали, после чего все-таки изволили спросить:

– Ваше имя?

– Леона Ладэ.

Охранник отошел в сторону и коснулся гарнитуры, не сводя с меня пристального взгляда. Другие замерли изваяниями, а я решила повесить куртку в длинный стенной шкаф. Просто потому, что сил выдерживать это напряжение не осталось.

Высокие потолки, таблетки светильников над головой.

Тишина и гулкое биение сердца.

Казалось, что каждый миг промедления действует на меня, как ударная мощь земли на спящий вулкан. Дышать становилось все сложнее, да и оставаться спокойной – тоже. Направилась было к шеренге диванчиков, но передумала. Прогулялась до кабин очистки, выстроившихся справа от лифтов. Снаружи они представляли собой прозрачные короба, в которых очищающие лучи проходились по одежде: так же на входе очищалась обувь. После них посетители допускались в отделение или в переходы через специальные детекторы в дверях.

Если Норгхар сейчас откажется, если мой план не сработает...

– Эсса Ладэ, ферн Норгхар просит вас подождать.

Ответить я не успела: двери лифта распахнулись, выпуская в холл Ирргалию. Короткие мгновения узнавания сменились яростью – перекосило ее знатно.

Таким выражением только лед крошить, а сколами вырезать сердца. Миг, и маска безупречности вернулась, ир்தханесса прошла мимо, словно меня не существовало. Охрана при ее появлении подобралась еще больше – хотя казалось, больше уже некуда. Ирргалия же подошла к мужчине, с которым я только что разговаривала.

– Что здесь делают посторонние?

– Местрель Стоунвилл, эсса Ладэ ожидает ферна Норгахара.

– Пусть ожидает его в другом месте, – холодно заявила рыжая. – Здесь что, зал ожидания?

– Да, – сообщила я и указала на ряды диванчиков.

Подтверждая свои слова, села на ближайший и сложила руки на груди.

– Невероятная наглость. – Ирргалия вскинула тонкие брови и добавила, обращаясь к охраннику: – Проводите эту женщину вниз, пожалуйста. Так, чтобы о ней никто не узнал. И позаботьтесь о том, чтобы она здесь больше не появлялась.

– Но ферн Норгхар...

– Ферн Норгхар, – голосу ир்தханессы могла позавидовать самая прочная сталь, – работает на моего будущего мужа. Вам нужны неприятности?

Понимая, что неприятности не нужны никому, я вцепилась в сиденье.

– Если прикоснетесь ко мне, я закричу, – предупредила. – Громко. Я умею.

Подействовало: он даже руки сложил по швам.

– Безумие какое-то, – Ирргалия поправила идеальную прическу.

Впрочем, у нее она всегда была идеальная, словно даже ветер не решался с ней связываться. И я его понимала: фиолетовые глаза посветлели от злости и напоминали драгоценные камушки на свету. Ну ладно, если быть точным, они напоминали утопленные в дюнах глаза пустынного, готового вот-вот изрыгнуть яд на зазевавшуюся жертву.

– Вы что, не можете справиться с одной наглой девицей?

– Одна наглая девица стоит десятка бравых парней, – заметила я. – Если у нее сильный голос, а вы не хотите раздувать из ее появления историю.

Понимая, что силой меня вывести не удастся, иртеханесса сменила тактику. Приблизилась, и, отодвинув охранника, словно он был барным стулом, взглянула сверху вниз.

– Давайте договоримся так, эсса... Ладэ. Сейчас вы уходите отсюда без шума, и я забываю о том, что вы здесь устроили.

Этот взгляд я встретила неестественным спокойствием.

– Давайте лучше договоримся так, местрель Стоунвилл. Вы оставите меня в покое, а я не устрою скандал, – не повышая голоса, поднялась и оказалась с ней лицом к лицу. – Я пришла сюда узнать, как себя чувствует местр Халлоран. И я не уйду, пока не узнаю.

После моих слов воцарилась страшная тишина. Опасный штиль перед ураганным ветром. Крылья носа иртеханессы едва дрогнули, а после она стремительно отвернулась. Как раз в тот миг, когда двери разошлись в стороны, и в холл шагнул Норгхар.

– Как он? – Сейчас голос Ирргалии звучал иначе: глухо и взволнованно. – Я хочу поговорить с врачом.

– Врач снимает показания с датчиков, он выйдет к вам позже. Местр Халлоран отдыхает после восстановительной капсулы, скоро его погрузят в искусственный сон – до утра. Завтра ему предстоит пресс-конференция, и он должен быть полностью здоров.

Рэйнара уже перевели в палату?

Значит, он в сознании и с ним все хорошо. А завтра будет еще лучше.

С сердца не то что камень свалился, это был настоящий обвал. Стараясь держаться спокойно и отстраненно, обхватила себя руками и шагнула вперед.

– Вы слышали, что хотели? – Голос рыжей сочился ядом. – Что вам еще надо?

– Я смогу его увидеть? – На нее я не смотрела. Только на Норгхара. – Мне хватит двух минут.

– Нет, это уже переходит все границы! – прошипела Ирргалия и дернула плечом в мою сторону. – Ферн Норгхар, примите меры по поводу этой женщины. Вы же прекрасно понимаете, чем это чревато, здесь журналисты на каждом шагу. И проводите меня к Рэйнару. Немедленно.

Начальник службы безопасности не изменился в лице. Он вообще напоминал человекоподобного робота экспериментальной модели, от которых отказались из-за серьезных сбоев в программном обеспечении и потенциальной угрозы владельцам. Не знаю, как насчет роботов, угроза от него была вполне себе реальной и ощутимой: мурашками бежала по коже, собираясь морозными кольцами у позвоночника. Но я не двигалась, смотрела в сканирующие льдинки, которые достались Норгхару вместо глаз. В упор.

– Вам придется подождать, – произнес он.

Ирргалия смерила его убийственным взглядом, однозначно говорящим о том, что она думает о моем дальнейшем пребывании здесь.

– Вы меня проводите, или мне самой искать дорогу? – В королевское превосходство ворвались нотки звенящего раздражения.

– Вам придется подождать. – Норгхара заело, как того самого робота? – Местр Халлоран хочет видеть вас, эсса Ладэ.

Я моргнула.

Проследила, как трескается маска Ирргалии под огнем безудержной ярости. Тонкие черты лица исказились, на миг показалось, что она сейчас его ударит. Вместо этого ир்தханесса развернулась и направилась к лифтам, а я бросилась к кабине очистки. На ходу стягивая серьги – с металлом туда нельзя, сунув сумку в руки первому попавшемуся охраннику. Наплевать мне, как это выглядит. В голове билась одна только мысль: «Я увижу его! Я его увижу!»

Дверца с мягким шипением захлопнулась, я надела специальные очки, защищающие глаза. Стекло тут же потемнело, и на нем высветилась панель управления: несколько режимов очистки для разных времен года. Выбрала нужный и запустила систему. Сверху вниз по мне прошелся поток спиралей, похожих на неоновые огни. Ничего особенного не почувствовала, только легкое покалывание в кончиках пальцев, после чего тонкий писк возвестил о завершении операции и дверь поехала вверх.

Норгхар дожидался меня у дверей в отделение.

– У вас пятнадцать минут, – невозмутимо сообщил он. – Потом вас выведут через служебный вход. Большая просьба не покидать палату без сопровождения, во время разговора вас никто не потревожит.

Вместо ответа кивнула. И так понятно, что мое присутствие здесь нежелательно, и вообще его не было.

Больничный коридор напоминал коридор дорогого отеля – широкий, в несколько раз больше тех, что мне доводилось видеть. Кремовые и серебристо-стальные цвета. Под ногами – отполированные до блеска полы. Матовые стекла автоматических дверей, скрывающих отдельные палаты: здесь точно не найдется ни одной сдвоенной, не говоря уже об общих. Мы завернули за угол, и сразу стало понятно, куда определили Рэйнара: вытянувшиеся в струнку парни, как по команде повернувшиеся в нашу сторону. Интересно, где тут логика? Этаж нашпигован охраной, но захоти кто-то до него добраться, лучше указателя не придумашь. Сообщать о своих соображениях безопаснику я не стала из соображений собственной безопасности.

– Что с ним случилось? – спросила негромко. – Как он пострадал?

– Во время зачистки. После того, как большинство драконов отвели в пустоши, всегда проверяют территорию – не остался ли кто-то. Они, несмотря на свои размеры, мастера маскировки.

Вспоминая, как я приняла дракона за излом хребта, даже переспрашивать не стала.

– Четверо вальцгардов, – последнее слово устами Норгхара прозвучало как «кретинов», – пошли по непроверенной территории, игнорируя правила техники безопасности. Нарвались на драконицу, которая пряталась в опорах ближайшего сторожевого массива. Местр Халлоран уже выложился к тому моменту – ментально и стихийно, но волну огня перехватил. Ребят он спас, но его ударило отдачей во время боя. Если бы не вовремя выставленный щит, все могло быть гораздо хуже. Для всех.

Мы подошли и Норгхар набрал на электронном замке код.

– Пятнадцать минут, – напомнил он.

Дверь за моей спиной закрылась с мягким щелчком.

Рэйнар стоял, опираясь о раму панорамного окна. В халате, с зачесанными назад волосами, темными – очевидно, после душа. Заметив меня, обернулся и наградил пристальным, привычно жестким взглядом. Подошла, вглядываясь в его лицо, молча. Просто не знала, что сказать. Растерялась. Иногда так бывает, в голове крутятся тысячи слов, которые льются потоком, а потом нужно сказать одно, но даже его подобрать не можешь. Рэйнар выглядел чуть бледнее обычного, но от него по-прежнему веяло уверенностью и силой. А еще – хищной опасностью, отраженной в изгибе губ и холодном прищуре.

Но каким же огнем захлестнуло, когда иртвахан резко притянул меня к себе и впился поцелуем в губы! Не думая, не понимая, почти не осознавая, где нахожусь, рванулась ему навстречу, отвечая. Подчиняясь властному, сметающему все на своем пути урагану по имени Рэйнар. Волосы под пальцами и правда были влажными. От страсти, смешанной с нежностью, чувственного восторга и какой-то тихой неумемной радости: жив, с ним все в порядке – сердце забилося с удвоенной силой. По венам ударила драконья доза адреналина, словно я стояла на перилах смотровой площадки. В туфлях на

умопомрачительной шпильке. На одной ноге.

Как же больно будет падать...

Но как же светло и хорошо сейчас.

Вот так прижиматься к сильной груди, слушать биение сердца. Позволять ему перебирать свои торчащие в разные стороны волосы и думать обо всяких глупостях. Например, о том, что я без макияжа и выгляжу как старшеклассница, у которой родители отобрали косметику.

– Как ты? – повторила глупый вопрос.

– К утру буду как новенький. Как ты сюда прорвалась?

– Это долгая история.

– Говорил же, что ты драконица, – иртехан усмехнулся и добавил: – Моя.

Ладно, сегодня даже спорить не буду.

– Что случилось? – спросила, запрокинув голову. – Почему они напали?

Рэйнар нахмурился и указал в сторону мягких кресел, придвинутых к столику.

Палата была двухкомнатная, со спальней, где уже установили капсулу гибернации, и гостиной, обстановке которой мог позавидовать самый дорогой люкс.

– Подозреваю, что дело в браконьерстве.

– Подозреваешь?

– Спецподразделение вальцгардов не нашло никаких улик. Все сделали очень чисто.

– Тогда почему ты думаешь, что это были браконьеры?

– Потому что я там был. Драконица, которая напала на парней, истекала болью и яростью. Она хотела их сжечь, она хотела сжечь всех нас. Думаю, она лишилась пары. Возможно, детенышей или кладки. Может быть, всего.

– Ты отправил ее к своим?

– К своим, – глухо подтвердил он.

Привычно спокойное лицо Халлорана исказила судорога, словно от боли. А я вдруг поняла, что драконицы больше нет: она не сдалась. Пошла за своими, но не в пустоши. Туда, откуда шаманы древности призывали силу ветра и дождей, гораздо выше, чем может взлететь любой дракон.

Сердце сжалось, я потянулась и взяла Рэйнара за руку.

Он действительно их любит. Любит драконов. По воле судьбы тот, кто считается защитником людей, сейчас больше переживает за тех, от кого призван защищать. По воле дара, наделившего его род силой, ему пришлось сделать выбор. Выбор, который ударил по нему гораздо сильнее отдачи во время боя.

– Она бы не остановилась, – добавил он зачем-то. – Изводила бы остальных своей утратой.

И тогда я сделала очередную глупость: поднялась, обошла столик и села к нему на колени. Обняла, оплетая руками сильные плечи, прижалась щекой к щеке, тронутой едва проступившей щетиной. В ответ он коснулся моего локтя. Легко, словно молча благодарил.

– Ты поэтому выступаешь за высшую меру?

Халлоран не изменился в лице, только в голосе его зазвучала сталь.

– Это меньшее, чего они заслуживают. Самое мерзкое, когда браконьерствуют ирлханы. Те, кого судьба наделила властью и силой.

– Иртханы? – собственный голос показался хриплым и беззвучным.

– Живая драконья кровь усиливает нашу магию. Особенно стихийную, которая напрямую связана с магией драконов.

– Живая?

– Кровь дракона, у которого еще бьется сердце. – Слово «еще» он произнес сквозь зубы. – Главное ее отличие от рэгста в том, что эффект не кратковременный. И в том, что обнаружить такое смешение невозможно. Спасибо эволюции, наша кровь теперь мало отличается от крови драконов.

Если учесть, что первые иртханы появились именно от вливания себе драконьей крови, все более чем понятно. Выходит, «перенять силу зверя» можно даже не иносказательно.

– Но ведь для этого не обязательно убивать. Достаточно просто отдать ментальный приказ и взять то, что нужно.

– Драконы запоминают энергетику. Магические слепки. Образно говоря, браконьеры не оставляют свидетелей. Тех, кто может на них указать своим.

Веками драконы убивали людей, люди убивали драконов. На заре времен из чешуи делали броню или доспехи, из кожи – шкуры, в которых укрывались от холода в пещерах или подземных ходах. Из зубов и нижних чешуек вытачивали украшения, а из гребней оружие. Когда появились иртханы и создавались первые наземные поселения, охотники пытались очистить гнезда и уничтожали потомство. Но теперь, когда страх быть сожженными заживо стал страшилкой из прошлого, когда в каждом крупном городе есть своя «Лаувайс», драконов убивают ради власти и силы.

– Что предпримет Совет?

– Если такой факт всплывает, что за последнюю сотню лет случилось всего один раз, нарушителя судят на закрытом заседании. Его ждет смертная казнь, а семью, которая использовала драконью кровь для увеличения родовой силы, никогда не допустят к правлению.

– Поэтому случился ландсаррский налет? – спросила неожиданно даже для себя самой.

Но Рэйнар, как ни странно, ответил:

– Да. Рогран Ландсарр свихнулся на теме могущества и продолжения правящей династии. Регулярно вливал себе драконью кровь. Думал, что сумеет их удержать, что бы ни случилось.

Халлоран замолчал, но он и так рассказал мне слишком много. Приоткрыл дверь в недостижимый и высокий мир иртеханов, как красивый футляр для фальшивых бриллиантов. Об этом никогда не напишут в газетах или учебниках истории, никогда не заговорят даже на самом скандальном канале Аронгары. О том, как правящий сбежал, оставив залитые огнем улицы и полыхающие за спиной дома на милость судьбы и вальцгардов, многие из которых погибли.

– Но как можно спрятать дракона? Не оставить следов?

– Увести в дальний сектор пустоши, за Драконий круг. Поиски там опасны, особенно после случившегося. Соваться сейчас туда чистой воды самоубийство, на это они и рассчитывали. – Лоб его прочертила глубокая морщина. – Но виновных это не спасет.

Жесткий колющий взгляд. Он предназначался не мне, но по коже все равно прошел мороз.

– Когда мы были в пустошах, – сказала, чтобы перевести тему. – Тот дракон на меня не набросился. Потому что не почувствовал угрозы?

И не только тему, свои мысли тоже срочно требовалось перевести в другое русло.

– Это ты мне скажи. Ты же много всего знаешь.

На что это он намекает? На то, что я нарушила наше соглашение, что ли?

Вот же... драконище. С очень хорошей памятью.

Решила не поддаваться на провокации и как ни в чем не бывало пожала плечами.

– Потому что рядом был ты, и он решил, что с тобой лучше не связываться?

– Почувствовал родственную магию и ее течение. Спокойное, размеренное, мощное.

– Магию, значит. Твою.

– Не только, Леона. Твою тоже.

– Но это же случилось до юбилея.

Халлоран пристально на меня посмотрел.

– Драконы – удивительные звери. Они воины от рождения, поэтому чувствуют силу воина, даже если она скрыта под хрупкой оболочкой. Даже если она пока еще спит.

– На самом деле всем нам крупно повезло, что мы не почувствовали что-нибудь еще. Например, аромат «страх воина».

Иртхан молчал долго. Губы его сомкнулись, как створки раковины ночного моллюска с первыми солнечными лучами.

Но потом он все-таки позволил им разлепиться.

– Ты ужасна.

– Знаю, – охотно согласилась я. – Помни об этом, когда в следующий раз повезешь меня к драконам. Ну, тренироваться там. Или еще что.

Он на миг прикрыл глаза, чтобы удержать рвущийся из груди смех. Не удержал: сначала затряслись плечи, потом сам иртхан, а после из моей груди вырвался сдавленный писк. Спустя миг мы беззвучно хохотали. Доведись нас кому-нибудь

увидеть, приняли бы за дергающихся в такт музыке подростков. Это было ненормально и нелепо, но остановиться я не могла.

Отсмеявшись, Рэйнар ссадил меня с колен и поднялся.

– Сброшу тебе номер Приста, – сказал он. – Сейчас его вызвал Норгхар, но в будущем делай это сама.

От неожиданности опешила. Очнулась, когда дернулся мобильный: иртхан все делал очень быстро.

– Рэйнар, у меня нет возможности оплачивать личного водителя.

– У меня есть.

Даже раскрыть рот не успела, мне указали на часы.

– Сейчас сюда явится целый взвод врачей, поэтому поговорим об этом позже. И еще.

Телефон дернулся второй раз.

– Лидс Рольген, безопасник из команды Норгхара. Он днем провожал тебя до дома.

Эм.

– Мне не нужен телохранитель.

– Сейчас, когда я приблизил тебя к себе, более чем.

Приблизил? Мило.

– Ты хоть понимаешь, как это будет выглядеть со стороны?

– Рольген умеет быть незаметным. Ему можно доверять, в отличие от уволенного идиота, который упустил тебя на юбилее.

Свою челюсть я подбирала с пола ровно столько, что упустила момент пришествия Норгхара и последнюю возможность сказать, что я не собираюсь таскаться по Мэйстону с личным водителем и охраной.

– Время, – коротко сказала фервернская глыба льда.

– Увидимся на занятиях, эсса Ладэ. Завтра во второй половине дня.

Холодный тон явно указывал на то, что нужно прощаться.

Примерно в том же ключе. Ну и на здоровье.

– Скорейшего выздоровления, местр Халлоран, – постаралась скрыть звучащую в голосе язвительность. – Не стукнитесь головой о крышку капсулы гибернации.

Ладно, фигово у меня получилось.

– Благодарю за заботу.

Обратно меня тоже вел Норгхар. В другую сторону, потом через два перехода, сквозь стеклянные рукава которых был виден усыпанный ночными огнями город и стоянка медицинских флайсов. С такой высоты они казались крошечными блеклыми пятнышками. Почему-то совсем не удивилась, что по дороге нам не попало ни врачей, ни пациентов. Этаж словно вымер, точнее, его «вымерли» по случаю моего появления. Начальник службы безопасности не проронил ни слова, да и мне не особо хотелось разговаривать. Сейчас, когда напряжение схлынуло, накрыло осознанием, как в свое время маленького Марра – диванной подушкой.

Я умудрилась связать себя огнями с иртханом.

Который любит драконов и сходит с ума, когда кто-то причиняет им боль.

С правящим.

Который уволил человека, потому что тот упустил быстро бегающую девицу.

С Рэйнаром Халлораном.

Который считает, что может, а главное, что он будет управлять моей жизнью, как ему вздумается.

Ну это мы еще посмотрим!

Глава 2

Дверной звонок надрывался, превращая квартиру в музыкальную шкатулку, Марр выплясывал рядом. Спросонья никак не могла понять, кого принесло в такую рань. Только покосившись на часы, выяснила, что рань в общем-то совсем уже не рань, а за полдень. Не знаю, как спалось местру Халлорану в капсуле гибернации, но мне в кровати гибернации пришлось повернуться. Мыслей о случившемся было немерено, и справлялась я с ними с переменным успехом.

Потирая глаза, вбила ногу в мохнатую тапочку, накинула халат и полезла за второй. Ее не обнаружилось под кроватью, за кроватью, и вообще в спальне. Выяснить, куда она делась, времени не было, поэтому я направилась вниз как есть. Звонок на миг затих, а потом разразился новыми переливами.

– Иду! – рыкнула я неожиданно бодро.

Зато распахнув дверь, сонно уставилась на Лэм.

– Слава небесам! Я-то уж думала, что ты в больнице ночевать осталась.

– Ха-ха-ха.

Что и говорить, спалилась я вчера по полной.

Не дожидаясь приглашения, подруга прошла в холл и покосилась на растрепанную меня.

– Ну рассказывай.

Нет, я же не была столь наивна, чтобы полагать, что Лэм это так оставит.

Мне определенно нужна хоть какая отсрочка. Пока я придумаю, что говорить.

И вообще, нельзя со мной так, у меня вчера был ну очень насыщенный день.

– Мне нужно вывести Марра. Давай я сделаю тебе кофе, и...

– Я сама кофе сделаю. Выведем вместе.

Плакала моя отсрочка.

Пока я бегала туда-сюда, собираясь в спешке, Лэм устроилась на кухне и сварила нам кофе. Который разлила по одноразовым стаканчикам и запечатала крышками. Один сунула мне, другой обхватила ладонями, как бывает, когда пытаешься согреть замерзшие руки. Как выяснилось парой минут позже, она и впрямь хотела их согреть.

Ночью на Мэйстон обрушились заморозки и сейчас, несмотря на яркое солнце, изо рта шел пар. Я искренне пожалела, что надела тонкие перчатки. Втянула голову в широкий шарф почти по макушку. Зато проснулась сразу, окончательно и бесповоротно, даже не успев притронуться к кофе. Морозный воздух пощипывал щеки, хорошо хоть ветра не было. Зато Марр чувствовал себя превосходно: вышагивал рядышком, принюхиваясь и поглядывая в сторону парка, куда мы и направлялись.

– У меня для тебя две новости, подруга, – заявила Лэм, потягивая кофе.

– Хорошая и плохая?

– Ну это как посмотреть. Первая – ты попала. Ты хоть понимаешь, насколько ты попала?

Спасибо, утешила. Можно подумать, я вчера родилась и хожу, цепляясь за ошейник Марра. Пожалуй, большего попадалова в моей жизни не случилось со времен появления на свет. Но тогда я еще не осознавала, на что подписываюсь, и вообще от меня это мало зависело. Другой вопрос, что делать теперь. Но можно я не буду думать об этом сейчас? У меня голова не арена для заседания Совета.

Лэм смотрела на меня, я смотрела вперед. Или на стаканчик с кофе.

– Ну и?

– Что – и?

– С тобой мне все понятно. А с ним-то что? Тебе вчера хоть удалось что-нибудь выяснить?

– Я с ним разговаривала.

Настал черед молчания Лэм. Она хлопала глазами, пока, наконец, не обрела дар речи.

– По телефону.

– Нет. В его палате.

– Охренеть.

Ну да, я примерно так себя и чувствую. Сейчас немного проснусь, и все станет замечательно. А пока побуду немножко охреневшей, мне сегодня можно.

Все-таки отхлебнула кофе: он оказался чересчур крепким, подруга сделала на свой вкус. Понимала, что живой и без подробностей меня не выпустят. Поэтому дабы не затягивать, рассказала все – начиная с арии Артомеллы и заканчивая последними событиями. Если честно, было немного страшно сознаваться в наличии у себя ир்தханской крови, но Лэм слушала внимательно и ни разу не перебила. Любительница вставить словечко, сейчас она молчала, даже когда я

брала тайм-аут.

– Сразу почему не сказала? – только и спросила она, когда мы свернули с центральной аллеи на петлявшую хвостом пустынного дорожку.

– Не знаю. Боялась.

– Чего?

– Что ты не поймешь.

– Дурища.

– Ага, – легко согласилась я.

И широко улыбнулась, просыпаясь окончательно. Вот она, сила дружеских поболталок.

Марр потянулся понюхать сумку проходившей мимо девушки, и та с визгом отпрыгнула в кусты с мятыми фантиками листы. Не ожидавшей столь бурной реакции виар сиганул в соседние, из-за чего я чуть не выронила кофе и только благодаря крепкой дружественной руке Лэм удержалась на ногах.

Людей в парке сегодня оказалось много, несмотря на погоду. Прозрачный воздух искрился от яркого света, на потемневшей траве поблескивали капельки влаги. Здесь сказывалась близость Гельеры, из-за чего было еще более зябко. Сквозь поредевшие деревья просматривался залив и далекие очертания пустошей. Удивительно резкие, несмотря на разделявшее нас расстояние. Вода отзеркаливала мазки тяжелых облаков с темной каймой, тянущееся вниз ослепительно-яркое небо, в котором змеились ленты аэроэкспрессов и мельтешили флайсы.

– Что насчет второй новости?

– Твой бывший жаждет примирения, – фыркнула Лэм.

Я только головой покачала. Даже когда мы встречались, Вальнар не проявлял такого завидного рвения по покорению меня.

– Он достал Дрэйка на тему устроить у нас вечерние посиделки, а потом в самый удачный момент оставить вас одних.

Похоже, Вальнар до сих пор не осознал, что все кончено. Что закончилось все в ту минуту, когда он появился с новой подружкой на пороге квартиры Лэм. Было ли это сделано нарочно, потому что он решил, что я уже достаточно помучилась и можно брать горяченькой, или просто так, для меня больше значения не имело. Равно как и та рыжая девица.

Вот именно, что та.

Хотя по большому счету, я не имела ни малейшего права ревновать Халлорана.

Но оно как-то само собой ревновалось.

– И что говорит Дрэйк?

– Говорит, шел бы он пустошью. Пусть сам тебя добивается, а если не может – пусть отваливает.

Обожаю своих друзей.

Мы навернули почетный круг и вышли из парка, трусцой пробежались по улице – изо всех нас только горячий Марр не чувствовал себя окоченевшей сосулькой. Можно было пройти до лифтов, которые поднимут нас сразу к моей квартире, но я уже основательно продрогла и решила, что голос мне дороже. Да и Лэм призналась, что жаждет повторить кофе, желательно с печеньками. Что касается меня, желудок однозначно намекал на то, что его пора покормить, как пропустившего завтрак.

В итоге мы нырнули на нижние уровни стоянки, где тепловые завесы создавали пригодные для жизни условия. По пешеходной дорожке направились к лифтам, и тут Лэм дернула меня за рукав.

– Ох ты ж...

Проследила ее взгляд – в сторону рядов временной парковки, и чуть было не выдала парочку нецензурных слов.

Вжатая в дверцу ярко-синего спортивного флайса, Танни целовалась с невысоким темноволосым парнем. Взасос.

– А...

Это было единственное, что я успела сказать, потому что подруга запечатала мне рот ладонью. А потом вцепилась в локоть мертвой хваткой и шустро поволокла в заданном направлении. Марр покосился в сторону сестры, приглушенно заурчал, но когда поводок натянулся, все-таки потрусил за нами. Чтобы вызвать лифт, Лэм пришлось меня отпустить, и я тут же яростно зашипела:

– Ты что творишь?

– Остынь, мамаша. Сейчас домой придем и поговорим.

– Я и здесь с ними неплохо поговорю.

Как раз в этот миг дверцы лифта распахнулись. Лэм выхватила из кармана карамельку и подбросила в кабину:

– Марр, еда!

Внутри меня внесло. Зубы клацнули в воздухе у самого пола, конфетка даже не успела упасть.

Подруга зашла следом и нажала кнопку моего этажа.

– Ну и чего ты так кипятишься?

– Чего? – спросила я, когда наконец обрела дар речи. – Чего? Там Танни! Лижется с каким-то молокососом!

– Пфф. Ты что, в ее возрасте с мальчиками не целовалась?

– Целовалась! Но это другое.

– Да ну?

Лэм приподняла бровь.

– Она меня обманула. Сказала, что будет ночевать у подруги.

– Но это не значит, что стоит девчонке портить свидание.

Пока я придумывала, что могу сказать подруге по поводу ее воспитательных советов, чтобы вышло не слишком грубо, мы приехали. Быстро прошли по коридорам – отсюда до квартиры нужно было идти в обход, и остановились у двери.

– Моему папаше было пофиг, с кем я тискаюсь, – хмыкнула Лэм, пока я доставала ключи. – Когда он напивался, кричал, что я такая же ларрка, как и моя мать. Когда они разошлись, она посадила меня за учебники и говорила, чтобы если увидит рядом с каким-нибудь наблом, выдерет, как мне и не снилось. В результате я нихрена не разбиралась в парнях. Мне казалось, чем круче, тем лучше. Поэтому в четырнадцать я переспала с капитаном школьной команды по гратхэнду, и на следующий день об этом узнала вся школа.

Да уж, юность Лэм была гораздо «веселее», чем моя. Первый поцелуй у меня случился в двенадцать лет, с одноклассником. Мы целовались под рядами трибун, где собирались зрители во время чемпионатов по гратхэнду, и мне сосем не понравилось. Было мокро и противно, во всех смыслах – во-первых, шел дождь, а во-вторых, парень полез ко мне с языком, хотя совсем этого не умел. Потом мы еще пару раз сходили в кино, на этом моя первая любовь и закончилась. Она научила меня тому, что симпатичные мальчики не всегда умеют целоваться.

– Так что мой тебе совет, лапонька. Остынь, не наезжай на девчонку. И вообще сделай вид, что этого не было.

– Тебе легко говорить, – буркнула я. – И что ты предлагаешь? Забыть, что она непонятно где всю ночь пропадала?

– Выбери удобный момент и дай ей понять, что ты не против их романа. Она ведь не просто так подружкой прикрывается. Как ты в последний раз ее друзей встретила?

Ладно, знакомство с Грэнсом и Карроком у меня не задалось, и вообще плохо закончилось. Но этот Мик вроде как должен быть поприличнее.

– Пусть она пригласит его домой. Глядишь, парень тебе понравится.

– А если не понравится?

– Если не понравится, тогда и подумаешь. Главное не перегнуть палку. Чуток передавишь – так и будет вешать тебе драконью чешую на уши, и ничем хорошим это не кончится.

За этими разговорами мы переместились на кухню вместе с Марром. Разбуженный конфеткой аппетит требовал подкрепиться чем-нибудь посущественнее, поэтому начались ритуальные пляски около миски.

Если честно, я не знала, как поступить: с одной стороны, желание высказать Танни все и посадить под домашний арест еще на недельку не прошло. С другой, в последнее время она даже ни в какие неприятности не влипала, ходит вся такая мечтательная, из школы мне не звонят, и вообще. Может, этот Мик на нее хорошо влияет?

– Может, ты и права, – призналась я, когда мы уселись за стол.

Малюсенькие сэндвичи исчезали с тарелок быстро, а в кофе я добавила побольше камартового флара – для аромата, и сливок.

– Я всегда права, – сообщила Лэм. – Когда не ошибаюсь.

В подтверждение ее слов щелкнул замок, бухнула об пол сброшенная с плеча сумка, и спустя минуту Танни заглянула на кухню. Счастливая. С сияющими глазами и показательно припухшими губами. Мою сестру вообще редко можно застать с улыбкой: не язвительно-саркастичной, не скептической – с высоты максимализма переходного возраста, а вот такой – безоблачно-яркой. Как летнее солнце.

– Леа, привет! Привет, Лэмерти.

– Привет! – подруга помахала ей рукой. – Присоединяйся.

– Ой, нет. Я к себе. Увидимся.

– Счастливо!

Танни потрепала сытого и довольного Марра по голове и вышла. Дождалась, пока шаги на лестнице стихнут, только после этого пробормотала себе под нос:

– Не могу представить, что она с ним...

– И не представляй. Лапонька, ты с дальней луны свалилась? Танни выросла. Это нормально.

Танни и правда выросла. Только попробуй уложить это в голове, когда у тебя перед глазами безбашенный подросток, который красит волосы в разные цвета, не расстаётся с леденцами, слушает музыку так, что дребезжит огнеупорное стекло, и постоянно что-то рисует в стареньком графическом планшете. Кстати, хорошая идея для подарка на день рождения – куплю ей новый со всякими наворотами. Всяко лучше стереосистемы, нервирующей соседей.

Танни нравится рисовать так же, как мне нравится пение. Поэтому когда девчонки увлекались парнями, я ходила на дополнительные занятия по вокалу. В школе у меня был всего один серьезный роман, в старших классах. Возможно, у нас даже могло бы что-то получиться, если бы с мамой не случилось несчастье. Но когда она заболела, мне стало не до романов, а ему – неохота со мной возиться. Это научило меня тому, что рассчитывать можно только на себя. На выпускной бал я не пошла, да и потом особо некогда было с кем-то встречаться.

Какое-то время моя жизнь вообще состояла сплошь из работы. До тех пор, пока на одной вечеринке, куда меня затащили девчонки из вокальной школы, я не познакомилась с Вальнаром. Мы встречались довольно долго, прежде чем это переросло в нечто серьезное. Около трех месяцев – просто свидания, виарчики в животе и переписка перед сном. А потом он стал моим первым мужчиной, и в ту ночь мне казалось, что это навсегда. Наверное, «навсегда» даже могло сложиться, если бы я согласилась с его доводами и ушла из Ландстор-Холл. К счастью, не согласилась и не ушла. Отношения с ним научили меня тому, что с «навсегда» надо быть осторожнее.

– Вернемся к нашим драконам, – решительно заявила Лэм. – Вы поговорили, а что потом?

– Потом он сказал, что приблизил меня к себе. – Я постучала черенком ложечки по столу.

– Прибл... – Лэм чуть кофе не выплюнула.

– Ага. И что теперь я должна передвигаться по Мэйстону только с личным водителем и под охраной.

– Что, прямо так и сказал? – Глаза у подруги стали круглыми, как ее любимое печенье с джемом посередине.

– Прямее некуда.

Пока Лэм приходила в себя, я уничтожила последний сэндвич и всерьез задумалась о ближайшем будущем. В котором мне предстояло наглядно объяснить одному драконищу, что если он правит Мэйстоном, это еще не значит, что он будет управлять мной.

Но для начала надо разобраться с сестрой.

– Так-с, – сказала Лэм. – Судя по взгляду, ты сейчас все равно в комнате Танны, устраиваешь ей взбучку. Драконы летят пустошью.

Не сказать, чтобы совсем. Но перед глазами все равно стоит стильный флайс «Одей», дорогуший, как и все спортивные модели этой марки. И лапающий мою сестренку парень.

– Взбучки не будет, – честно пообещала я.

– Да ну?

Подруга глянула на часы и поднялась.

– Ладно, оставляю вас наедине. Помни заветы старушки Долливан.

Я фыркнула и вскочила следом.

– Спасибо, что приехала, старушка.

– А то. Сэндвичи были вкусные.

Сверкнув ослепительной улыбкой, Лэмерти меня обняла, и мы распрощались.

Танни снова была в наушниках, поэтому даже не заметила, как я вошла. Лежала в обнимку с телефоном, терзая сенсор и болтая босыми ногами. Свободная розовая майка, с принтом пронзенного сердца в черной кайме, съехала набок, домашние шортики под ней утонули напрочь.

Немного подумав, опустилась на кровать, и сестра подскочила. Сдернула наушники, грозно на меня зыркнула.

– Леа!

– Я не смотрела, что ты там пишешь.

– Ага. – Она сунула мобильник под подушку, и уселась, скрестив ноги. – Что, Лэмерти уже ушла?

– Только что.

Я смотрела на сестру совсем другими глазами. Она заправила волосы за ухо, то и дело нетерпеливо поглядывая в сторону припрятанного телефона. Изящная прядка падала на выглядывающее из-под майки плечико, округлое, уже утратившее угловатость. Сама прическа – мягкий творческий кавардак, не в пример обычным резким контурам дерзких хвостов. Сейчас даже сложно было представить, что эта девчонка со вздернутым носом и ямочкой на подбородке способна приложить парня до сотрясения мозга.

– Что? – нетерпеливо спросила сестра.

– Я знаю, что ты не ночевала у Имери, – сказала я. – Случайно увидела тебя на парковке.

– Вот дерь... – Танни сложила руки на груди, мрачняя.

– Давай договоримся, что это было в первый и последний раз.

– Это моя личная жизнь, ясно? Ты не можешь мне запретить с ним встречаться!

Сестра вскочила, из кармана шорт вывалился запечатанный леденец.

Глаза ее сверкнули, она сжала кулаки.

– Ясно, – разговор с подростком как ходьба по пескам. Никогда не знаешь, откуда пустынный выскочит, или когда под ногами раскроется яма. Ловушка, замаскированная песком и колючками. Пустынники умудряются лепить из перекатывающихся шипастых зерен покрывало, чтобы прикрыть ведущую прямиков в их гнезда дыру, а потом колючки заметает песком. Сейчас я чувствовала себя примерно так же. Каждый шаг, как по шпильке Лаувайс. – Я и не собиралась.

Готовящаяся до последнего отстаивать свою свободу, сестрица замерла. Хмурое выражение уступило место растерянности, она смотрела на меня так, словно пыталась угадать, в чем подвох.

– Но ты же сказала...

– Я говорила о твоём обмане.

– То есть домашнего ареста не будет?

– Нет, – я покачала головой. – Но я хочу знать, если ты идёшь куда-то с Миком.

– О'кей. – Все ещё глядя на меня с сомнением, Танни поправила майку.

– Ты пригласила его на день рождения?

– Пригласила, – сестра сунула руки в карманы и нахмурилась. – Но у него скорее всего не получится, когда мы будем с Имери и остальными. Мик помогает отцу с делами, поэтому он постоянно занят. Вместе мы точно отметим, просто не со всеми.

Вот тебе и золотая молодежь. Многие парни его возраста, получив от родителей флайс и карманные деньги, забывают об их существовании.

– Здорово, – сказала я. – Очень за тебя рада.

И тогда Танни расцвела: недоверие, которое все это время отражалось на её лице, сменила широкая улыбка. Она полезла за телефоном и провела пальцем по дисплею.

– Помнишь, я тебе говорила, что у них тоже виары есть? Гляди. Это бойцовские породы, ближе всего к диким.

Мик оказался красавчиком. Темные, как смоль ночной Гельеры волосы, ослепительная улыбка. Под кожаной курткой – белоснежная рубашка, кожаные штаны присобраны из-за высоких ботинок на шнуровке, одна рука в кармане, другая сжимает поводок. Такие парни всегда душа компании, их везде принимают с распростертыми объятиями.

Чего не скажешь о виарах, которые сидели у его ног. Один из них – бесшерстный, покрытый иссиня-черными чешуйками. Приземистый, с мощными лапами и серебристыми лезвиями когтей. Глаза его были полностью белыми, от чего создавалось жутковатое чувство слияние радужки и белка. Только зрачок,

суженный от яркого света, разделял их на две половины. Вторым был чуточку более симпатичным – пожалуй, за счет короткой рыжевато-серой шерсти, стоявшей как шипы иглы. Он скалился на фотографа так, словно не прочь сожрать его живьем.

Жуть.

Несколько лет назад бойцовские породы вообще хотели запретить – их не брали подчиняющие кристаллы, но потом какой-то ветеринар придумал, как усилить сигнал, и виаров продолжили выводить и совершенствовать. Бойцовскими их называли потому, что при Ландсарре частенько устраивались бои с крупными ставками. После того, как к власти пришел Керран I, жестокие развлечения запретили. Легально, разумеется. Подпольные бои проводились во всяких притонах еще долгое время.

– Ого, – сказала я. – Это ты снимала?

Просто больше ничего в голову не пришло.

– Ага. Они жуткие, но классные.

Телефон зажужжал, Танни уткнулась в сообщение и выпала из реальности. С лица не сходила улыбка – то загадочно-счастливая, то хитрая, глаза блестели. Я же пыталась убедить себя в том, что у богатых людей много самых разных причуд. Ну и что с того, что они держат бойцовских виаров. Это же не отражает их характер, на самом деле.

Или отражает?

– Если захочешь, можешь пригласить Мика к нам, – заметила я, когда Танни вернулась из виртуала.

– Круто, – Танни наклонилась за леденцом, развернула его и сунула в рот. – И еще, Леа... помнишь, я офещала тебе подумать на тему высшего. Ну, кем я хофу фыть, и все такое...

Я удивленно приподняла брови. Действительно, этот разговор у нас состоялся еще в прошлом году, когда я задумалась, куда же пристроить сестру после школы. Поскольку она так и не определилась, я уже начинала думать, что выбирать придется самой. Чего ну очень не хотелось бы. И вот пожалуйста.

Танни вытащила леденец и выпалила:

– В общем, я хочу создавать 3D-интерьеры сцен, спецэффекты для шоу и праздничных мероприятий. Это конечно дико сложно и дорого, но у меня по голографическому 3D-моделированию высокий балл. К тому же, здесь напрямую все завязано на рисовании.

Я только удивленно моргала.

Это действительно очень дорогостоящий факультет, в Центральном Университете Мэйстона на него конкурс по сотне человек на место. Оно и неудивительно – при должном желании со временем даже можно перебраться в Долину Синема, в Зингсприд. 3D-художники, вручную создающие «живые» голограммы для картин, очень востребованы. Особенно сейчас, когда каждый день выходит какое-нибудь кино, эта индустрия работает на полную.

Словом, это как-то круто, конечно.

Почему бы и нет, но...

– Я подумаю, – сказала осторожно.

Сначала мне нужно заглянуть на счет, потом на сайт Университета, и только после этого разбрасываться обещаниями.

– Супер! – сообщила Танни, и я поднялась.

Из комнаты сестры выходила в легком астрале.

Когда шла к ней, думала только о том, как бы не поругаться, но... Определенно, этот Мик на нее хорошо влияет.

Директриса права, когда мамы не стало, я сама была девчонкой. Но ведь эта девчонка справилась! Переехала в лучший район. Перевела сестру в другую школу, которую та через два года закончит. Танни – выпускница... Это казалось невероятным, но она действительно становится взрослой. Еще чуть-чуть, и из упрямого подростка сестренка превратится в прекрасную девушку. Поклонников у нее с каждым днем будет становиться все больше, и мне надо к этому привыкать.

На этот раз Халлоран меня встречал в костюме: темно-сером, цвета асфальта после проливного дождя. Внушительный. Хищный. Пугающий и притягательный. Даже не скажешь, что вчера пережил схватку с драконом и оказался в больнице. Некстати подумалось, что если на иртхана надеть мешок и подвязать веревочкой, скрыть правящего все равно не удастся.

– Ты не вызвала Приста и Рольгена. – Поразительно, как ему удавалось сочетать стальную мощь голоса и вкрадчивые хриповатые нотки, от которых моя драконица пригибалась к земле и начинала дергать кончиком хвоста. Ну и пусть себе дергает, она – не я. Уж точно не на все сто, половинка нечистокровной Леоны сейчас лелеяла коварные планы.

– Решила сделать сюрприз, – невинно отозвалась я. – Заскочила в торговый центр и купила тебе подарок. Хочешь посмотреть?

Такого драконище не ожидало: лицо его слегка вытянулось. А я достала из сумки темно-синий футлярчик и вручила Рэйнару. Сияя, как Лаувайс в закатных лучах.

– Вот.

Лицо драконища вытянулось сильнее. И еще больше, когда он открыл коробочку.

На темном бархате лежала пластинка, которую владельцы виаров вешают на своих питомцев, чтобы в случае чего их можно было найти. Обычно на такие наносят номера телефонов, кличку или адрес, на этой же красовалась гравировка: «Моему Драконищу». Внизу было пририсовано сердечко, декоративный ошейник покупала отдельно. Его я вручила Халлорану, перевязанный бантиком.

Пока он подбирал слова, перекинула сумку через плечо и направилась в кабинет. Устроилась на стуле, достала планшет и сделала вид, что готова внимать. Нет, я на самом деле была готова, другой вопрос – готов ли он делиться со мной знаниями, или так и будет смотреть в эту коробочку.

– Что. Это? – иртехан, наконец, появился на пороге.

Мрачный такой.

– Подарок. – От низкой горловой интонации по коже побежали мурашки, но я невозмутимо постучала пером по дисплею. – Тебе не нравится?

Выражение лица драконища однозначно говорило, что нет.

– Странно. Я думала, раз ты меня к себе приблизил, – сделала ударение на последнем слове, – то оценишь. Видишь, какими красивыми большими буквами написано слово «моему»?

Халлоран прищурился и захлопнул коробочку. Звучно, со смачным щелчком.

– Ты играешь с огнем, Леона, – прорычал он.

– Кстати, об огнях. На них мы в прошлый раз и остановились.

Искушение почитать про связующие огни было велико, но я решила не рисковать. Удалила с компьютера все файлы, которые прислал мне Рингсихарр: будь дело только во мне, и пальцем бы не шевельнула, но подставлять того, кто хочет тебе помочь – низко и неблагодарно. Поэтому придется разбираться на месте. Нет, ну а что? Сам вызвался меня учить, вот пусть и учит. У меня вопросов много, можно сказать, на несколько лет полноценного академического образования.

– Что еще ты хочешь знать? – Таким взглядом только зачистку производить – сплошной поток неприкрытого пламени.

– Для начала... Я всегда буду чувствовать себя как на сковородке? Когда огонь раскрывается?

– Со временем это пройдет. Когда у нас открывается сила, жар кажется невыносимым, но с каждым разом все проще и проще. Постепенно ты становишься единым целым со своим внутренним огнем, и тогда перестаешь чувствовать температуру. Это происходит, когда иртхан полностью овладевает стихийной магией, чтобы не причинить вреда ни себе, ни кому-либо другому.

Вот и замечательно. Значит, мне не грозит ненароком подпалить гостей Ландстор-Холл, а заодно с ними Дрэйка и себя. То есть почувствовать назревающий пожар успею и сразу побегу к огнетушителю. Или в душ.

– Как этого избежать? Всплеска огня.

– Не провоцировать иртханов, – хмыкнул он.

Прозвучало неоднозначно. Особенно когда кое-кто возвышался надо мной, подобно Драконьему шипу. Особенно когда он положил коробочку передо мной, а после взял ошейник, словно и впрямь был не прочь его надеть.

На меня.

– То есть если бы я пела арию не перед иртханами. С тем же настроением, и...

– Этого бы не случилось, верно, – он коснулся стола кончиками пальцев, рядом с моей рукой, как бы невзначай на них опираясь. Волоски на коже встали дыбом, и я поспешно переложила планшет себе на колени. Кстати, надо бы его включить. – Твоя сила откликнулась на призыв остальных, когда ты была меньше всего к этому готова.

Халлоран смотрел на меня так, словно я уже раздета, и... ну в общем, не как учитель на ученицу. Сосредоточиться от этого становилось все труднее.

– Не совсем поняла, это моя сила откликнулась на призыв остальных, или они призвались на мою силу?

– Одно следует за другим. Ты позвала – мы откликнулись, ответили – и твоя магия плеснула через край. Игра голосом – высшая ступень ментальной магии. Осваивать ее можно начинать только после того, как разберешься с безэмоциональными приказами. Ты передаешь свои чувства другому, но это уже не подчинение. Скорее, привлечение внимания, высший уровень эмпатии, из которой рождается взаимное доверие.

– Доверие? Драконы нас понимают?

– На уровне чувств и инстинктов. Вести разговор со зверем гораздо проще и приятнее именно игрой-диалогом, нежели чем приказами, превращающими дракона в послушное орудие. – Сильный голос смягчился, и я невольно подалась вперед, забыв о настроении, с которым перешагнула порог его квартиры. – На юбилее у тебя это получилось непроизвольно, но овладеть этим искусством и применять его осознанно гораздо сложнее. Поэтому в самом начале нам предстоит заниматься командами.

Когда Халлоран становился таким, общаться с ним было гораздо проще. Даже скользящая между пальцев иртыхана полоска ошейника не смущала. Только когда он замолчал, до меня дошло, что это была очередная демонстрация, и вот тут я не удержалась от искушения подвинуть стул и наехать колесиком ему на ногу. Прямо на идеальный ботинок.

– Ой, прости.

– Тебя что-то смущает, Леона?

Это он у меня спрашивает?

– Список по почте отправить?

Глаза его сверкнули, но он все-таки обошел стол и устроился на своем преподавательском месте, слегка ослабив галстук. И на том спасибо, я словно отлепилась от раскаленной солнцем скалы, жар которой проникал в меня, в самую суть. С каждой минутой все глубже и глубже, подбираясь к пульсирующему сгустку пламени, именуемому сердцем.

Теперь, если честно, я вообще смутно представляла себе, как будет проходить наше обучение. Приказы, игра голосом, еще и стихия... Ну и время на теорию где-то между всем этим надо найти. Если учесть, что вечерами я занята семь дней в неделю, при самом удачном стечении обстоятельств – шесть. Постоянно отпрашиваться у Эвель не получится, она в последнее время злющая, как бешеный набл. Не хотелось бы лишиться дохода. Особенно теперь, когда Танни меня всерьез озадачила.

Даже если представить, что с прослушиванием все срастется, на скорый гонорар рассчитывать не приходится. Сначала репетиции, которые оплачиваются чисто символически, только потом – большая сцена Мэйстонской оперы. И только после премьеры, в случае нашей общей с постановкой удачи, можно будет спокойно выдохнуть.

– Я ответил на все твои вопросы? – меня окинули хищным пристальным взглядом.

Властным. Собственническим.

Надо будет проверить, не появилось ли на мне в каком-нибудь укромном месте клеймо: «Моя», – от частого общения с местром Халлораном.

– Остался еще один. По-прежнему непонятно, почему ты не можешь назначить мне в наставники кого-нибудь другого.

– А мне по-прежнему непонятно, чем тебя не устраиваю я, – он недобро прищурился. – Или хочешь в наставники того, кто сбросил тебе файлы?

– Хочу профессора из Академии, – хмыкнула, – с внушительным... багажом знаний. Без замашек собственника, это обязательно. Но главное, у него не должно быть склонности к наказательно-показательным методам обучения.

Взгляд иртехана потемнел. Ну а что, я тоже умею быть злопамятной.

– Отклоняется, потому что ты вывела меня из себя.

– Удивительный протест! То есть всякий раз, когда ты будешь вне себя, отдуваться придется мне?

– Если будешь подставляться – да. – В голос его ворвались привычные стальные нотки.

– Я буду – что?

– Сейчас твоя сила интересует всех и каждого. Тебе следовало бы подумать об этом, прежде чем открываться своему неожиданному помощнику.

Он что, намекает, что Рингисхарр нарочно прислал мне материалы? Глупости какие. Зачем тогда было предупреждать меня о том, что это опасно, и что мы нарушаем правила. Открыла рот, чтобы высказать драконищу все, что думаю, но тут же его закрыла: слишком опасно сверкнули глаза иртхана. Надо осторожно сворачивать с этой темы.

– И что же в моей силе такого интересного?

– Я.

От неожиданности чуть не выронила планшет, но вовремя успела его поймать. Поскольку покупка нового не входила в мои ближайшие планы, положила на стол и оставила в покое.

– Я тебя нашел. Я тебя пригласил. Я взялся за твое обучение.

Сейчас мне здорово не хватает леденца. Надо будет одолжить у Танны в следующий раз, когда соберусь на встречу с Халлораном. Пожалуй, теперь понятно, почему сестра носит их в карманах в неограниченном количестве и сует в рот всякий раз, когда назревает серьезный разговор. Чтобы лишнего не наговорить.

– И чем это мне грозит?

– Тебя могут проверять. Поэтому нужны водитель и охрана. Поэтому если в следующий раз ты не вызовешь Рольгена и Приста, у меня на столе окажется

распорядок твоего дня, а у них – часы и список адресов, в которые тебя нужно встречать и где.

А еще леденцом можно от души запустить в высокий самоуверенный лоб. Или ткнуть палочкой в глаз.

– Планшет, Леона. – Халлоран дотянулся до коробочки и ошейника, убрал их в ящик стола. – Одна из техник постановки безэмоционального голоса – чтение вслух. Желательно читать текст, который не вызывает у тебя никаких чувств.

Планшет, Леона. Планшет.

Включила и погладила перышком, готовясь делать пометки.

– То есть любовные письма не подойдут? – хмыкнула.

– Нет. Лучше всего подойдет какой-нибудь справочник, атлас или учебник. Во время чтения, особенно механического, бездумного, неосознанно отключаешься. Минуту.

Он вышел из кабинета, а вернулся с книгой. Настоящей книгой, которую положил передо мной. Оперся о край стола, склоняясь ко мне, от чего мои эмоции ну вот прямо совсем успокоились.

– Читай.

Пальцы неверяще коснулись корешка. Погладили выпуклые тисненные буквы.

Сейчас же передо мной была «живая» книга, а надо мной – драконище со своим огнем. Вот и как тут эмоции отключать?

– Громко. Четко. Как в студии звукозаписи.

Открыла книгу, которая оказалась атласом созвездий, и принялась читать названия, историю и всякие справочные данные. Иртхан, к моему великому счастью, это никак не комментировал и вообще отошел в сторону. Я даже оглянулась: он стоял у окна, привычно сцепив руки за спиной. Понемногу

получилось расслабиться, и созвездия полились моими устами одно за другим. Красочные картинки и мягкая шероховатость бумаги под пальцами... было невероятно сложно отстраниться от чувств, которые во мне вызывали новые ощущения. Но в какой-то момент я поняла, что просто читаю. Книга, даже будь она хоть трижды красивой, живой и реальной, отошла на второй план. Равно как и весь кабинет отодвинулся, расширился, как границы Вселенной. Осталась только я. И мой голос.

– Хорошо. – Вздрыгнула от сильных резких интонаций.

И вдруг поняла, что чувствую себя как-то странно. Более спокойной, что ли.

Все лишние мысли ушли, осталась небывалая легкость.

– У меня получилось? – обернулась к нему.

– Да. Последние два слова – нулевые эмоции. Домашнее задание: научиться делать это осознанно и ловить момент перехода в нулевой спад. Научишься улавливать разницу, будет гораздо проще тренировать приказы. Второй метод ты уже знаешь.

– Числа.

– Совершенно верно. Лучше всего вести счет в обратном порядке.

– Ты сейчас рассказал два способа, которые наверняка помогут мне заснуть.

– Ни один ирлхэн еще не заснул. Первое, что тебе нужно для успеха – расслабление. Со временем научишься делать это мгновенно.

Судя по тому, как переключался он, это действительно возможно. Режим Халлоран-преподаватель был ближе всего к Халлоран-политик. Мы свернули на академическую тему так легко, что я даже не успела понять, как это произошло. Он рассказывал о приказах: оказывается, чтобы отдать приказ, недостаточно просто избавиться от эмоций. Нужно еще вложить в него мысленный импульс, соответствующий команде. При этом необязательно смотреть в глаза. А еще лучше – вовсе избегать контакта, потому что прямым взглядом ты создаешь

привязку, в первую очередь для себя. Драконы воспринимают взгляд глаза в глаза, как пристальный интерес, что может помешать восприятию. Сопротивляемость к ментальной магии у них гораздо выше, чем у людей.

– Если случится так, что твой взгляд зацепят первым, – он пристально посмотрел мне в глаза. – Не пытайся его отвести. Смотри прямо, дай дракону понять, что ты наравне с ним. Что ты не угрожаешь. Но и не собираешься отступать.

Представила себе эту картину и мысленно хлопнулась в обморок.

– А женщины, когда заканчивают Академию, тоже сдают экзамены в пустошах?

– Разумеется, нет. Только на тренировочных полигонах.

– Как вы вообще туда драконов заманиваете?

– Никак. Это драконы, которые выросли при Академии.

И на том спасибо.

После теории снова тренировались. На моих глазах Гельеру разогрело закатное солнце, на моих глазах оно скатилось за горизонт, позволяя взошедшим лунам прочертить две серебристые дорожки на черной воде. Никогда не думала, что это настолько сложно: вытолкнуть из себя хотя бы парочку безэмоциональных слов. Если во время чтения или с числами у меня еще кое-как получалось, то стоило попытаться отдать команду, как эмоциональный тумблер начинал сбоить. Ближе к вечеру поняла, о чем говорил Халлоран – что петь я буду не в состоянии. Какой петь, я напоминала себе литтоновую ягодку, на которую упала бетонная плита. Хотелось домой. Заползти в душ и сдохнуть то ли от осознания собственной неполноценности, то ли от перемены эмоционального фона. Словно поочередно окуналась то в огонь, то в ледяную воду.

– Ненавижу тебя, – простонала я, когда Халлоран открыл дверь, выпуская меня в коридор.

– Сейчас можно, – милостиво сообщило драконище.

А мне захотелось треснуть его книгой по голове: благо, тяжесть в дрожащих руках ощущалась приличная. Может, хоть так его проймет. То ли что-то почувствовав, то ли осознав, что с меня хватит и собственного веса, установленного на каблуки, иртвахан отобрал книгу и вернул на стеллаж.

– Мы куда?

– Ужинать, разумеется.

– А потом я лягу спать рядом с Эрри, – предупредила на всякий случай. – Так что хватит с меня водички, и я поеду домой.

– Не сегодня, – заявил он и мягко подтолкнул меня в сторону кухни.

Эм. Не сегодня – это он о чем?

Что мне спать сегодня не грозит? Или что я домой не попаду?

– У меня там сестра, – заявила я, упираясь каблуками в пол.

– Пятнадцать лет – вполне сознательный возраст. Она спокойно может переночевать одна.

– Ты тоже можешь переночевать один.

– Могу. Но не хочу. Хочу с тобой, Леона. Хочу тебя.

Откровенная властность этих слов прошла по телу волной предвкушения. Халлоран сжал мои плечи: легко, но настолько интимно, что обожгло даже через свитер. Огонь внутри меня встрепенулся и побежал по венам тонкими раскаленными ручейками, дыхание перехватило. Особенно когда его руки скользнули на обнаженные запястья и запечатали ладони в своих. По коже словно живое пламя потекло.

Дернулась от неожиданности, но иртвахан удержал.

– Горячо!

– Сейчас пройдет.

И правда, обжигающая мощь сменилась согревающим теплом. Оно вливалось в меня бурлящим потоком, стирая усталость, как горячая ладонь очищает запотевшее стекло. Наполняя странной будоражащей силой. Горело все: от губ до кончиков пальцев, дрожало, звенело от напряжения, как натянутый вдоль небоскреба трос.

– Что ты сделал? – хрипло спросила я.

– Поделился огнем, – Халлоран коснулся губами моего виска. – Со своей драконицей.

– Еще раз назовешь своей драконицей – огрею планшетом, – рыкнула я.

Быстренько вывернувшись из рук иртехана и шустро припустила на кухню, только чтобы избавиться от наваждения, рождаемого этой близостью. Как он это вообще делает? Разгоняется от небоскреба с глазами до действующего вулкана за пару минут.

– Чего-нибудь попроще или посытнее?

– Попроще.

Посытнее в меня сейчас не поместится. Моему организму необходим отдых и легкий прикорм.

Стоило Рэйнару отвернуться, сбросила туфли. Совершенно неэстетично, но как же классно! С наслаждением поболтала ногами и распласталась по столу как рихт по дну морскому. Рихты – это такие экзотические рыбы, которые меняют цвет и форму. При малейшей опасности прижимаются ко дну и становятся почти невидимыми, чтобы водные драконы не отъели себе лакомый кусочек. Не знаю, как насчет водных, но один вполне себе сухопутный сейчас наградил таким взглядом, словно не прочь был попробовать меня на вкус.

Кровь зашумела в ушах, закипая от нахлынувшего предвкушения.

От бесстыдных воспоминаний, рождающихся в каждой клеточке тела.

Огненный вихрь взвился от босых пяток до макушки, превращая каждый волосок на теле в наэлектризованную пружинку.

– Очаровательное зрелище, – сообщил иртхан, глядя куда-то вниз.

Я тоже посмотрела вниз, но Эрри там не увидела. Только свои обнаженные лодыжки, изящно выглядывающие из обтягивающих брючек. При этом драконище смотрело так, что мне захотелось спрятать ноги под себя.

– Мы есть собирались, – напомнила.

– Разумеется.

Ко мне подвинули бокал с вином:

– За твое пламя. Над которым еще работать и работать.

Вот драконище.

– Тем не менее вчера ты отпустил мою руку, – язвительно заметила я, поднимая бокал. – Не так уж мое пламя и безнадежно.

Вино оставило мягкое послевкусие, кислинка на губах оказалась терпкой и сочной.

– Разумеется, отпустил. Потому что ты попросила.

– Значит, если я попрошу сейчас, ты меня тоже отпустишь?

– Нет.

Да, где-то здесь явно закралась нестыковка.

Халлоран положил мне салат. Вкусный, хорошая у него домработница.

– Рэйнар, мне нужна свобода, – произнесла я. – Свобода и выбор.

– О каком выборе ты говоришь? – он прищурился.

– Возможность решать самой. Ты ставишь меня перед фактом совместного обучения, переводишь на мой счет баснословную сумму, даришь безумно дорогие подарки...

Сегодня, когда я собиралась на встречу, до меня неожиданно дошло, почему на футляре «взятого напрокат» ювелирного комплекта нет адреса. Только эмблема дорогущего бренда «Ламкар», заключенное в треугольник дерево, вместо листьев у которого драгоценные камни. Этот комплект никогда не брали напрокат. Точно так же, как платье – которое, кстати, бесследно сгнуло из моей квартиры после первого пробуждения огня. Предполагаю, что его вернули в магазин, а еще предполагаю, что кое-кому здорово досталось за качество.

– Что тебя не устраивает?

– Все! Я привыкла сама отвечать за свою жизнь. Сама решать свои проблемы. Сама обеспечивать себя и сестру. Не хочу, чтобы ты сыпал передо мной деньгами, потому что так я чувствую себя содержанкой. Не хочу, чтобы ты вторгся в мою личную жизнь, не хочу, чтобы навязывал мне охрану или водителя. Я вполне способна сама передвигаться по Мэйстону. И защитить себя тоже. Особенно теперь, когда ты меня предупредил о возможном... внимании.

Ну вот, я это сказала.

– Тебя будут сопровождать, Леона. Это не обсуждается.

– А еще хочу обсуждать. Все, что касается меня.

Терпеть не могу, когда он так смотрит – жестко и холодно, когда не могу понять, что там в глубине этих глаз. Вот только для меня это важно, настолько важно, что ладони непроизвольно становятся влажными, а сердце сбивается с ритма. Я хочу услышать его ответ больше, чем что бы то ни было.

– Хорошо.

Хорошо?

– Хорошо, Леона. Впредь мы будем все обсуждать.

Неверяще смотрю на него: он что, правда это сказал?

– Начнем прямо сейчас. У меня тоже есть три желания.

Так, вот это уже больше похоже на правду.

– Ты будешь принимать мои подарки.

Он подался вперед, наши пальцы соприкоснулись, и Рэйнар раскрыл мою ладонь. Мягко согнул мизинец.

– Не деньги? – уточнила я.

– Нет. Подарки. Не потому, что я могу это себе позволить, а потому что хочу, чтобы ты сияла ярче и ярче, с каждым днем. Потому что ты заставляешь меня гореть.

Как в одном мужчине может сочетаться столько властной негибкой силы и обескураживающей своей искренностью откровенности? Наверное, я никогда к этому не привыкну – точно так же, как и к его голосу, от которого меня крутит в крендельки.

– Хорошо, – собственный голос отказывался подчиняться и звучал немного хрипло.

Я непроизвольно облизнула губы, и увидела, как его зрачки дернулись в вертикаль.

– Ты согласишься, чтобы Прист и Рольген тебя сопровождали. По крайней мере, пока не научишься управлять магией и полностью ее контролировать.

К мизинцу присоединился безымянный палец, моя ладонь в его руках разогрелась так, что только чудом не полыхала. Точно так же полыхали зеленые глаза, внутри которых рождался яростный огонь. Огонь, предназначавшийся мне.

– Везде, кроме Ландстор-Холл.

– Везде.

– Ладно, – сдалась.

В конце концов, слухов обо мне уже и так достаточно. Одним больше, одним меньше. А мне еще третье желание слушать. Зная Халлорана, самое интересное он прибережет напоследок. Будем надеяться, что меня не попросят снова петь на каком-нибудь сборище иртханов. А даже если попросят, все равно откажусь. Хватит с меня прошлого раза, на все будущие двенадцать драконьих жизней вперед.

– И последнее, – голос Рэйнара стал низким, горловым, рычащим. Прежде чем успела что-либо подумать, в мою ладонь лег мой же подарок. – Сегодня ночью, Леона, ты наденешь его. Для меня.

Глава 3

Мне бы радоваться, что не дружу с леденцами. Потому что сейчас я бы точно им подавилась или выплюнула. Да, прямо в этот непробиваемый лоб, чтобы наверняка дошло.

– Надену, ага, – сказала я. – С удовольствием! Наклоняйся.

Могу еще миску с остатками салата надеть, на драконью голову с шедевральными идеями. А что? Ему пойдет.

А у меня сейчас дым из носа пойдет. Как у Марра, который набегался по парку перед сном.

Нет, не охамели ли вы, такое предлагать?!

Спрыгнула со стула, сжимая в руке кожаную полоску, но меня быстро перехватили и прижали к себе. Спиной.

– Пусти! – брыкнулась, в результате чего оказалась вжата в столешницу.

– Леона, – негромко произнес он. – Моя дикая огненная драконица... Ты так отчаянно цепляешься за свободу... Но свобода внутри тебя. Заметь, я не сказал, кому сегодня ночью придется примерить ошейник. Ты решила это сама.

Халлоран перехватил мои руки и свел их вместе, поглаживая ладони. Зажимая дурацкий подарок так, что из сведенных лодочек торчала только застежка. Отвел мои волосы со спины, легко перебросив их на плечо. Длинные пряди скользнули на стол и расплескались по стеклу волнами, собирая все блики приглушенного теплого света.

– Еще скажи, что сам его наденешь, – прошипела, примериваясь, как бы так извернуться, чтобы цапнуть его за руку.

– А ты этого хочешь?

Че-го?

Ярость моментально испарилась, осталась только растерянность. А еще власть сильных рук и близость горячего тела, от которого мое разогревалось и плавилось. Каждая частичка меня сейчас превратилась в дрожащий оголенный нерв.

– Так что, Леона? Хочешь увидеть его на мне?

Голос Халлорана звучал тихо, но твердо. Не оставляя ни малейших сомнений, что случись мне сказать «да», он его наденет. Жесткие губы коснулись шеи, от вспыхнувшего на коже огонька по телу прокатилась волна жаркой дрожи. Такой

же жаркой, как полыхающие над нами светильники, тонкие пластинки которых уже казались раскаленными от запертых внутри ламп.

– Нет, – выдохнула тихо. – Нет. Не хочу.

– А чего ты хочешь?

Он развернул меня лицом к себе. Провел пальцами по губам, размыкая их – сильно, уверенно, за миг до того, как повторил этот жест поцелуем. Раскрывая мой рот, словно уже брал, бесстыдно и яростно, прямо на этом столе. Я ответила, позволяя огню захлестнуть волной. Подкинуть до небес, где кончалась реальность. Наверное, так чувствуешь себя во время полета, когда мир внизу теряет очертания, остается только бьющий в лицо поток. Не то ледяной, не то обжигающий. И дыхание, тихим стоном вырывающееся из груди, когда он тебе это позволяет.

– Не в ошейнике дело. Ты просто боишься, Леона. Боишься довериться мне. Боишься довериться себе. Тому, чего хочешь на самом деле. Тому, что ты выбираешь. Каждую минуту. Каждый миг.

Сейчас край столешницы упирался в спину, а сердце колотилось так, что я чудом не прыгала в такт ему. Халлоран коснулся моего виска, чтобы заправить волосы за ухо.

– Нет власти большей, чем ты даешь мне сама. Своим выбором, – он подался вперед, повторяя меня, словно мы были единым целым. – Ты моя, и ты это знаешь. Моя. И будешь ей снова и снова, – резко добавил он, заставляя содрогнуться от интимной властности этих слов.

Возбуждение нахлынуло волной, стирая все возражения. Все мысли и все, что нас разделяло. Я подалась вперед, стягивая с него пиджак, чтобы снова ощутить под пальцами стальные мышцы. Чувства обострились настолько, что когда Рэйнар потянул вверх свитер, я закусила губу. Прикосновения губ, повторяющие скольжение ткани по коже, заставляли выгибаться дугой. Подняла руки, чтобы ему помочь, и дернулась, когда новый поцелуй ожег грудь.

Свитер отлетел в сторону, я потянула вниз его брюки, чтобы снова чувствовать своего мужчину. Безоглядно, откровенно, горячо – всю силу его желания под

пальцами. Лаская мягкими прикосновениями, сцеловывая рвущееся из груди рычание, сильнее сжимая ладонь.

Хриплый стон Рэйнара отозвался внутри сладкой... невысказанно сладкой дрожью.

Потянулась губами к губам, вплетая пальцы в жесткие волосы.

Мы целовались так, словно это была наша последняя ночь. А может быть, первая и единственная, когда не можешь насытиться друг другом просто потому, что все время будет мало. Он вжимал меня в себя, сквозь алое пламя проступило мое отражение. Вертикальный зрачок раскрылся почти во всю радужку. Наверное, именно так постигаешь истинный смысл слов «утонуть в глазах».

– Признай это, Леона.

– Признать – что? – выдохнула между поцелуями.

– Скажи, что ты моя.

Закусила губу и покачала головой, глядя в горящие омуты. Безумные – наверное, такие же у меня.

Рэйнар прищурился, а потом резко развернул спиной к себе.

Сейчас я горела чуть ли не ярче, чем в первый раз. От жадных поцелуев, от скольжения ладоней по разгоряченной коже, заставляющих дыхание сбиваться еще сильнее. От требовательных губ, дразнящие касания которых прокатывались жаркими волнами от стянувшихся в бусины сосков до самого низа живота.

– Скажи это, – хрипло.

Его пальцы скользили по внутренней поверхности бедер в жестокой дразнящей ласке. По внутренней поверхности бедер, и дальше... Скользили по чувствительно полыхающей коже, едва касаясь, заставляя кусать губы, чтобы не начать подаваться навстречу его руке. Сердце заходило в сумасшедшем ритме, от томительно-сладкого желания, накатывающего и отступающего,

хотелось кричать.

– Скажи! – прорычал он, раскрывая меня пальцами.

Всхлипнула и выгнулась, подчиняясь ритму жестких ласк. Столешница под сжавшимися пальцами казалась ледяной.

– Твоя, – выдохнула хрипло. – Твоя, твоя, твоя...

Несколько мгновений промедления показались чуть ли не вечностью.

Всплеск огня, короткий, мощный – и мы снова стали единым целым. Дернулась, подаваясь навстречу резким яростным движениям. Открываясь, принимая, подчиняясь.

Это было не похоже ни на что: гореть вместе с ним.

Сливаться воедино телами и огненной сущностью.

Дышать на двоих, забывая о том, что когда-то было иначе.

Сладкая судорога прокатилась от низа живота по всему телу. За ней – следующая. Еще и еще.

Я выгнулась, падая в его руки. Почувствовала, как в губы мне течет хриплый рык, как перекачивается под кожей металл мышц, как сильная пульсация внутри рождает новый виток наслаждения.

Огненный, сумасшедший, заставляющий повторять его имя: одними губами, шепотом, или всей грудью – со стоном, на выдохе.

До тех пор, пока мир не вспыхнул сверхновой, и я не утонула в его объятиях.

Утро встретило меня непривычно ярким светом. Открыла глаза и зажмурилась: холодное солнце ударило в упор, отраженное от сотен стальных полос и

стеклянных заплаток. Оно текло с небес, подернутых облаками с тяжелой свинцовой каймой, заполняя ослепительными лучами все пространство. Несколько минут я просто лежала, свернувшись комочком, подтянув к себе одеяло и разглядывая комнату из своего гнезда. Гостевая спальня, в отличие от спальни Халлорана, оказалась более ласковой, в ней преобладали теплые тона. Наволочки на маленьких подушках были теплого персикового цвета, одна большая почему-то валялась на полу.

О случившемся вчера напоминало все: и припухшие губы, хранящие вкус жадных поцелуев. И приятная слабость во всем теле – легкая и ненавязчивая, от которой так просто избавиться, едва оказавшись под душем. Вчера мы не могли оторваться друг от друга – до бессильного изнеможения, когда подгибаются колени, а глаза закрываются сами собой. Когда болезненно-сладкое наслаждение накатывает волнами, уводя за собой на какие-то новые, неизведанные высоты.

Удивительно, но сегодня я чувствовала себя заново родившейся. Свежей, полной сил и готовой на всяческие подвиги.

Вот только сейчас первый подвиг совершу – из-под одеяла вылезу, и...

– Доброе утро.

– Привет.

Обернулась и села на постели, глядя на вошедшего ирлхана. Уже в костюме, разве что с потемневшими после душа влажными волосами, до которых невыносимо хотелось дотронуться.

Халлоран глянул в сторону окна и нахмурился.

– Совсем забыл про жалюзи.

Хихикнула.

– Странно было бы, если бы ты про них вспомнил.

– На что это ты намекаешь?

– Ну... не знаю. Может на то, что ты слишком устал?

На самом деле сюда он принес меня на руках. Точнее, сначала отнес в душ, а потом уже сюда. И это было приятно. Не передать как.

– Нравится меня дразнить? – он прищурился.

– Ага, – призналась честно. – Очень.

– В таком случае просыпайтесь быстрее, эсса Ладэ. У нас с вами есть время на неспешный завтрак и обсуждение домашнего задания. Если поторопитесь, останется еще и на дразнилки.

– Не стану уточнять, что ты имеешь в виду под дразнилками.

Взгляд его потемнел.

– Правильно, не уточняй, а то останешься без завтрака.

В ответ показала ему язык и потянулась. Одеяло поползло вниз, повторяя изгибы тела и открывая... в общем все, что выше пятой точки. Не без удовольствия отметила, какие искры сверкнули в глубине драконьих глаз. Ну да, облизывайтесь, облизывайтесь. Но у меня завтрак по расписанию, и вообще я ничего не знаю. Сами настояли, чтобы я с вами ночевала, местр Халлоран. Да еще и одежды не выдали, за халатом вон как далеко тянуться.

Драconiще покинуло спальню так стремительно, словно его срочно вызвали на подписание договора федерального значения. Я снова хихикнула, поднялась и направилась в душ. Просыпаться окончательно.

– Однажды, дорогой, ты проснешься дру-гим,

И прошлое из памяти развеется, как дым.

И звезды будут лишь нам с тобой светить,

И ты меня тогда не сможешь не лю-бить.

Здесь даже ароматы геля для душа были другие: цветочные, фруктовые, гораздо более мягкие, чем в прилегающей к спальне иртыхана ванной комнате. Я попробовала несколько, но остановилась на ванильно-сливочном. От него бодрость стремительно пошла в гору – в утренние гели для душа производители всегда добавляют легкий энергетик. Хотя с тем способом, который мне вчера показал Халлоран, не сравнить. Интересно, у этой техники есть какое-нибудь научное название? Переливание огней, например. Звучит забавно.

– Пока же ты играешь, а в сердце твоём лед,

И ты все время хочешь забежать вперед...

Но вот что я скажу, мой милый, сейчас:

Со мной такое не пройдет, не в э-тот раз!

Настроение было замечательным, а еще каким-то хулиганским. Поэтому я даже не стала одеваться, выползла к завтраку как была. В халате и с рассыпавшимися по плечам волосами. Заглянула на кухню, но там никого не обнаружилось. Кроме ошейника, который я подобрала с пола и засунула в карман, во избежание. Заберу с собой и подарю Марру, а то кто знает, на какие еще дикие фантазии кожаная полосочка наведет его иртыхамство. Хм... ну и где мы собираемся завтракать? Или завтрак предлагается приготовить мне?

Глянула на телефон: новых сообщений от Танни не было. Вчера я успела только написать ей, что меня сегодня не будет, и прочитать ответ: «Очеушенной ночки», – после чего всерьез задумалась о воспитании подростков. С этой мыслью и отключилась, прямо с телефоном в обнимку.

Эрри в гостиной вылизывала лапу. Заметив меня, демонстративно повернулась тыльной стороной чистокровной виари.

Не удержавшись, показала вредине язык.

– Леона! Ты что здесь делаешь?

Халлоран стоял наверху, пришлось задирать голову.

Что-что, ошейник прячу. Не видно, что ли? Надеюсь, что не видно. Я даже сунула руку в карман, запихивая компромат поглубже.

– Ты что-то говорил про завтрак, или это кодовое название, как дразнилки?

– С завтраком все в порядке, – он протянул мне руку. – Пойдем.

Пришлось снова подниматься наверх, мы прошли по коридору, мимо спален. Завернули за угол и оказались у стеклянных дверей, выводящих на просторную лоджию. Под ногами – деревянные! – полы, по которым так и хотелось походить босиком. На широком бордюре у панорамных окон были разбросаны подушки, там же лежало несколько книг. Отсюда было видно Лаувайс, пустоши, кусочек Гельеры и даже уголок моста Паллинас: выпукло-вогнутой громады с монументальными опорами. Подошла к окну, бросив мимолетный взгляд на накрытый стол и мягкие кресла. Вне всяких сомнений, это было самое уютное место в его квартире. Самое уютное и самое теплое – несмотря на то, что в пентхаусе света хватало везде.

– Нравится? – Рэйнар подошел ближе и обнял меня со спины.

Я даже сопротивляться не стала, хотя волоски на коже встали дыбом.

– Очень.

– Это хорошо. Вчера мы не договорили по поводу моего третьего желания...

Ик.

Нет, серьезно. Ик.

Он серьезно?

Ик еще раз.

Неожиданно Халлоран рассмеялся, низкая вибрация его смеха прокатилась по моему телу волной совершенно ненормального будоражащего огня.

Прежде чем я успела сказать, что с извращенцами не знаюсь, в руки мне легли два билета. Темно-красный пластик с логотипом-голограммой, раскрывшимся множеством огненных лепестков драконьего цветка.

– Я тебя приглашаю, Леона. Зингспридская опера. Артомелла.

Из меня вдруг разом вышел весь воздух, как в детстве. Когда в «замри» выдохнешь на полную и зажимаешь нос двумя пальцами: на время, кто дольше так простоит.

Вживую слушать оперу, о которой раньше могла только мечтать, оказаться в зале, где пела Шайна. Тот, кто однажды там побывал, уже не сможет оценить другие – из-за особой акустики голоса возносятся до таких высот, что звучание отзывается в каждом сердце. Я хотела этого до умопомрачения и боялась не меньше. Не окажется ли «Артомелла» без Шайны сверкающей подделкой в оправе для бриллиантов? Знаю, это глупо и по-детски, Эллина Райт тоже выкладывается на выступлениях, но ничего не могу с собой поделать.

– Леона?

Пришлось в срочном порядке возвращаться в реальность.

– Это... несколько неожиданно.

– Не хочешь идти?

– Хочу, но...

Но Рэйнар собирается представить меня миру. Не только миру иртханов, всей Аронгаре. Наше появление в опере точно не останется незамеченным.

И все-таки это было приятно.

– Хочешь, чтобы я стала твоей на всех телеканалах страны?

– Ты – моя женщина, и я не собираюсь это скрывать.

Моя, моя, моя... жуткое собственническое драконище. Как-нибудь точно нацеплю на него медальку, пока он будет спать.

– Твоя невеста уже знает, что у тебя появилась женщина? – фыркнула.

– Нет.

Замечательно.

– Потому что у меня нет невесты.

Нет?... Странная, сумасшедшая, по-детски искренняя радость напугала. Просто ее было отчаянно много, она затопила меня всю. Она, и еще непростительное чувство надежды. Надежды на что?

– А та рыженькая, которая гостит в Мэйстоне?

– Ревнивая. – Он разве что не облизнулся, убирая волосы с моего плеча, в небрежной ласке касаясь бьющейся ниточки пульса пальцами.

Да кто бы говорил! Сам каждый раз напоминает про Рингисхарра.

В отместку подалась назад, вжимаясь в его пах ягодицами. Чем вызвала хриплый выдох-рычание.

– Я? С чего бы. Просто решила уточнить некоторые формальности.

– Формальности? – ир்தхан помрачнел.

Так тебе и надо.

– Ну да. Надо же знать, что говорить журналистам.

– Что ж, формально у меня невесты нет, хотя некоторые считают иначе. Наше с ней знакомство ограничивается официальными встречами. Когда Ирргалия приезжала в прошлый раз, мы с ней неудачно сходили в оперу. И по настоянию отцов проверяли совместимость огней.

– Стесняюсь спросить, как.

Неожиданно он расхохотался. Смеялся так, что даже Эрри к нам заглянула, но перехватив мой прищур, гордо вздернула голову, потом хвост – и тут же удалилась.

Отсмеявшись, Халлоран развернул меня лицом к себе.

– Это делается с помощью крови и магического ритуала, Леона.

Минутка стыда. Почувствуй себя розовым драконом, называется.

– Проверка крови проводится под особым заклинанием, когда соединяются пораненные руки будущих супругов и выясняется, тянутся ли огни друг к другу.

Не сомневаюсь, что совпали они идеально, потому что его мать до сих пор лелеет мечту объединить крылышки Мэйстона и Флангстона. Да и сама Ирргалия вряд ли решила тут задержаться из-за благоприятного климата и дружбы с местной Халлоран. Но ревность – чувство бессмысленное, надо с ним завязывать.

– Так вы согласитесь сопровождать меня в оперу, эсса Ладэ?

– Я подумаю, местр Халлоран.

– Думайте. Времени еще предостаточно, – Рэйнар развернул меня к столу, отменяя все возражения, которые крутились в голове. – Пойдем. Обсудим домашнее задание.

Все еще немного оглушенная, устроилась на стуле, разглядывая карточки. Они были именные, а номер ложи заставил сердце биться чаще. Центральная, предназначенная для главы Совета и правящих. Именно оттуда Аррингсхан смотрел на Шайну. Именно там ее голос впервые положил начало их истории, о которой до сих пор ходят слухи. В те годы ему уже было около сорока, и он возглавлял Совет. Самый молодой правящий, который занимал это место за всю историю Аронгары. Неудивительно, что он поздно женился – вся его жизнь была сосредоточена на карьере.

– Я вышлю тебе материалы с методиками тренировки голоса. – Халлоран снял крышку с подноса и на тарелку ко мне перекинул хрустящий дымящийся тост. За ним второй. – Заниматься нужно каждый день, Леона. Не меньше двух часов, иначе ничего не получится.

– Знаю, – закатила глаза, – я же в вокальной школе училась.

Меня смерили серьезным взглядом. Настолько серьезным, что глаза выкатились обратно, с трудом подавила желание сложить руки на коленях, а еще лучше на столе, и сесть ровно. Вот ведь скалодром чешуйчатый. И не скажешь, что только что меня обнимал.

– В Академии тонкостям эмоций посвящен целый курс.

Да я уже прониклась всей серьезностью положения на двенадцать жизней вперед.

– Ну мне-то Академия не светит, – пожала плечами, намазывая хлеб тоненьким слоем масла. Оно таяло мгновенно: не то что наш классический заменитель с ароматизаторами, и пропитало хлеб от корочки до корочки. Натуральное, такое вкусное, что стоило невероятных усилий не схрумкать весь хлеб одним куском, как оголодавший Марр. Дабы придать себе благородный вид, уставилась в кофейную чашечку и рассматривала кремовые щупальца сливок и пенку. – И даже всего один ма-а-алюсенький профессор...

Заметив тяжелеющий взгляд иртыхана, показала ему язык.

– Мне правда нравится тебя дразнить.

Халлоран прищурился.

– У тебя были хорошие преподаватели по вокалу. Голос уже поставлен, почти готов как инструмент для ментальной магии.

Вот так учишься себе петь и не подозреваешь, что заодно постигала азы иртыханского мастерства. Ну, частично. Видимо, это тоже происходило неосознанно, как в случае с игрой голосом, из-за моего более чем интригующего происхождения. Забавно, что если бы Халлорана в тот вечер не занесло в Ландстор-Холл, я бы так ничего и не узнала. Даже он не сразу понял, почему его так зацепил мой голос, что уж говорить обо мне.

– Сейчас тебе нужно только научиться им управлять. Осознать, в чем отличие эмоционального призыва от приказа. Как отключать эмоции на ходу, как к ним вернуться. Как работать с командами, и как грамотно разорвать ментальную привязку.

– Разорвать что?

– Когда ты отдаешь приказ или играешь голосом, ты цепляешь сознание. Образно выражаясь, сплетаешь нить между собой и ведомым. Если грамотно не отпустить, могут возникнуть проблемы.

– Например?

– Например, обезумевший дракон пойдет жечь все подряд, потому что его ударило волной твоей силы.

Миленько.

– А ты будешь мучиться сильной головной болью.

И совестью заодно. Эм...

Тут мне как-то резко расхотелось есть.

– Рэйнар... на юбилее... я же грамотно это сделала?..

Или нет? Или вообще не сделала?

– Не совсем.

То есть я обеспечила толпе иртханов головную боль?.. Правящим и всей мэйстонской аристократии? Надо проверить, сохранила ли я телефоны Приста и Рольгена. Нет, правда.

Халлоран неожиданно улыбнулся, становясь на несколько лет моложе.

– В отличие от драконов, мы умеем с этим справляться. С последствиями ментальных атак, и с их предупреждением. Этому тебе тоже предстоит научиться.

– То есть если кто-то попытается отдать мне приказ, я смогу с этим справиться?

– Почти мгновенно. Разберемся с этим, и пойдем дальше.

– А что будет дальше?

– Работа с потрясениями. С сильными потрясениями. Будешь учиться делать все то же самое в стрессовых ситуациях.

Можно я сразу пойду? Не дальше, а просто отсюда. У Рэйнара, конечно, талант создавать стрессовые ситуации, но мне дорога моя короткая жизнь. И нервы. И цвет волос. Ладно, последнее снимается, я все равно крашусь, чтобы образ выдерживать. Но вот как-то не хочется помереть от остановки сердца в расцвете лет.

– Только не говори, что ты через пару недель повезешь меня к драконам.

– Не скажу. К драконам я тебя не повезу, пока сама не попросишь.

Ну ладно. С остальным как-нибудь разберемся. Наверное.

Если, конечно, меня не заставят и впрямь стоять на одной ноге. На перилах смотровой площадки Драконьего шипа.

И нет, я не попрошусь к драконам. Ни. За. Что.

– А ты правда учился управлять голосом с детства?

– Правда.

Ого.

– У меня немного другой уровень ответственности, Леона. Тебе нужно всего лишь научиться справляться с собственной магией и «слышать» эмоции. Свои и других.

– Переливать огни ты меня тоже научишь?

– Что?

Секунд десять я наслаждалась подобием непонимания на непробиваемом лице, потом Халлоран хмыкнул.

– М-да. Так это еще никто не называл.

– Но ты же не сказал, как это называется.

– Делиться силой можно только после слияния огней. Ты передаешь частицу своей магии, чтобы восстановить силы, вплести ее в чужой огонь невозможно. Если только они уже не смешались однажды.

Взгляд его снова потемнел, он коснулся ладонью моих пальцев, и я поспешно отняла руку.

– А если огни просто принимают друг друга?

– Ничего не получится.

Чудненко. Значит, у наших огней уже давно все замечательно, и они превосходно чувствуют себя в компании друг друга. Не сказать, как я за них рада!

– Телепатии мы тоже будем учиться?

Брови его сошлись на переносице, взгляд заledenел, и я прикусила язык. Об этой стороне магии Халлоран мне не рассказывал.

– Ментальной связи научить нельзя. Она либо есть, либо нет. – Голос его звучал жестко. – Эту особенность мы впитали вместе с кровью драконов, но получается это не у всех. Разумеется, необходимое условие – взаимное приятие огней. Такое действительно возможно, если магия сильна. Но как ни странно, ключевой элемент здесь не магия, а доверие. Близость.

Теперь понятно, почему у драконов это работает, а у иртханов не всегда.

Остаток завтрака мы говорили о том, как лучше тренировать голос и приказы. Я избегала лишних вопросов, дабы случайно не наткнуться на очередную «запретную» тему из файлов Рингисхарра. Сосредоточенно внимала, потому что предстояло заниматься в одиночестве, а на выходных ожидался мини-экзамен. Изредка бросала взгляды в окно, где тяжелые облака уже цеплялись краями друг за друга, но в основном смотрела на него, зная, что мы не увидимся целую неделю. Понимая, что мне не хочется вставать из-за стола, не хочется с ним прощаться. Но все имеет обыкновение заканчиваться.

Даже завтраки.

Разумеется, мне «повезло» встретить Зетту. Как раз в ту минуту, когда Лидс спрашивал, во сколько меня забрать, зев лифта распахнулся и выплюнул на стоянку певицу. Взгляд которой самонаводящимся магнитом присосался ко мне. Оценив обстановку, та вздернула подбородок и направилась в сторону своего

флайса, звонко цокая каблучками. Эта встреча несущественно отличалась от наших с ней отношений, но завтра весь Ландстор-Холл будет знать о моем сопровождении.

Скрипнув зубами, я помянула всех – наградившего меня силой папочку, драконище-перестраховщика и случайные встречи с кем не надо. Сказала, что освобожусь часа через три, нырнула в лифт, который привез Зетту, о чем тут же сильно пожалела. Не знаю, какими духами она пользовалась, но аромат был просто сногшибательный. В прямом смысле: приторно-сладкий настолько, что захотелось водички. Заполнявший собой все и вызывающий стойкое желание сунуть нос в шарфик.

После двухдневного перерыва Ландстор-Холл встретил привычной суетой, блеском нарядов, музыкой и огнями. Эвель сухо поздоровавшейся со мной в коридоре и осторожным молчанием Клари. После того разговора гримерша предпочитала обходить меня стороной и общаться исключительно по необходимости. Впрочем, сегодня все на меня косились – после случившегося в городе моя персона привлекала особое внимание, как лицо, «особо приближенное». Поразительно, как быстро расходятся слухи в одном маленьком... ну ладно, не очень маленьком коллективе. Широкие улыбки в лицо, шепотки за спиной и взгляды, которые мне полагалось не замечать.

Я старалась не разочаровывать: если замечала, то чисто случайно.

После выхода в оперу с Рэйнаром, таких взглядов будет в разы больше.

Не говоря уже о слухах.

Клари орудовала пуховкой, как планшетным ластиком, словно собиралась стереть мне лицо. Пару раз чуть не ткнула кисточкой в глаз, после чего я сообщила, что если у нее еще раз сорвется рука, я скажу Эвель, что мне нужна новая гримерша. Руки сразу перестали срываться, и все прошло довольно сносно. Не считая вздернутого носика и надутых губ – видимо, тесное общение с Зеттой не проходит бесследно.

Когда она уже заканчивала наносить грим, мне позвонил Хейд.

– Как дела у будущей примы Мэйстонской оперы?

Я бы и рада была рассмеяться, но Клари заканчивала с контуром губ.

– Ум.

– Я не вовремя?

– М-м-м... – Отодвинулась от карандаша и повернулась на вертящемся стуле. – Мне сейчас на сцену выходить.

– О, ну тогда я быстро. Как насчет увидеться завтра? У меня интересные новости по поводу премьеры.

– Шутишь? Я с радостью!

Динамик у меня не фонил, но Клари уже наострила ушки. Это было видно по тому, как осмысленно она собирала кисточки, аппликаторы, щипчики и прочее, постоянно перекладывая с места на место и поправляя ремешки.

– Тебе удобнее до или после?

– Лучше до. На этой неделе я тоже пою ночами.

– Заметано. Сбрось адрес, откуда тебя забрать.

Прежде чем я успела подумать, как сочетается Лайтан Хейд, флайсоциклы, личный водитель и охрана, он уже попрощался.

Везет мне в последнее время на мужчин, которые знают, чего хотят, а главное, не стесняются об этом сообщить. Читай, поставь перед фактом. Правда, на Хейда злиться не получалось: его сшибающая с ног самоуверенность совершенно не походила на приказные мотивы Рэйнара. Вот только теперь мучайся любопытством, что же он мне хотел сообщить. А главное, почему это нельзя сделать по телефону или по электронной почте.

Клари закончила и оставила меня в царстве зеркал и света – до выступления оставалось всего-ничего, нужна коротенькая распевка. Вместо того, чтобы

заняться делом, снова покосилась на мобильный. Наверное, это было глупо – ждать сообщения или звонка от Рэйнара, но я все равно ждала. Даже несмотря на то, что после случившегося дел у него невпроворот, и вообще. Просто хотелось услышать его голос.

Подумала, не набрать ли самой, но потом все-таки отложила телефон.

Распевка сегодня далась мне в разы легче: сказывались голосовые тренировки магии. Им я посвятила целых три часа после обеда, когда вернулась с занятий по вождению. Довольная: инструктор отметил явные успехи. Не знаю, как насчет явных, но у меня уже перестали потеть ладони, когда я оказывалась напротив панели управления. Сердце не ухало в пятки, когда нас кто-то подрезал, а скорость пугала все меньше. Глядишь, так и флайс покупать придется. Интересно, что драконище скажет тогда по поводу охраны и водителя? Буду катать Рольгена от моего дома в Ландстор-Холл и обратно?

– Бри, охрененно выглядишь! – Дрэйк встречал меня за кулисами, и не удержался от порыва обнять.

Я покосилась на него – не поймаю ли осуждение в темных глазах друга, но он, кажется, был искренне счастлив меня видеть. Да и вообще ни словом не обмолвился о случившемся. Только подмигнул, провожая на сцену, где нас встречали аплодисментами.

Привычный туман от дорогих сигарет, игра света и тени.

Нет-нет, но я посматривала на ложу, которую снимал Халлоран. Сегодня портьеры в ней оказались задернуты: значит, там никого. А жаль, мне хотелось, чтобы он пришел. Хотелось петь для него и знать, как разгорается в зеленых глазах пламя. Пламя, способное поглотить нас обоих.

Так, о чем я вообще думаю?

– Изгибы рек, ладони солнечных долин

Легко, струясь, накроет неба палантин.

Сейчас я взгляд... твой пристально ловлю,

Но не скажу, как сильно я тебя люблю.

Взгляд привычно скользил по залу. За ближайшим столиком молоденькая девушка беззастенчиво целовалась с мужчиной, приглушенный холодный свет играл на его волосах серебром. Я ловила ответные взгляды, и рассыпала улыбки – легко и радостно. Эвель могла говорить все, что угодно, но я безумно скучала по сцене. Безумно скучала по гостям, которые пришли послушать, пусть даже сегодня самое начало недели. Конечно, посетителей было меньше, чем в выходные, но свободных столиков оказалось не больше трех. Свет играл на черных узорах зеркальных витражей, скользил по клавишам рояля. Чарующая игра Дрэйка и мой голос сливались воедино, раскрываясь под сводами залы.

– Забытый миг, когда сидели мы с тобой

На парапете... крыши поднебесной той.

И мир мечты... перед глазами расцветал,

И рук моих... в те годы ты не отпускал...

Ночное выступление короче, чем вечернее. Оно и неудивительно, но людей меньше не становилось. Провожали нас с Дрэйком овациями, я же почти не чувствовала усталости. Даром что время позднее, музыка, голос, огонь – бурлили, хотелось продолжать петь. Что я и делала себе под нос, пока мы шли по коридору к гримерной.

– Как насчет собратся у нас в пятницу? – поинтересовался пианист.

Я понимающе улыбнулась:

– Вальнар?

– Разболтала уже?

Я легонько ткнула его локтем в бок.

– Эй! Ты о будущей жене говоришь.

– У моей будущей жены язык без костей, – проворчал он, но тут же ослепительно улыбнулся. – Ладно, я просто хочу вспомнить старые-добрые времена. А то дальше суета со свадьбой наберет обороты, так до нее в неформальной обстановке и не увидимся.

– Но Вальнар там все-таки будет? – уточнила я.

Дрэйк развел руками.

– Я ему честно сказал, что могу просто тебя пригласить. Но сливаться мы не станем, Бри. Клянусь.

– Я в вас ни на минуту не сомневаюсь.

– Так что насчет пятницы?

– Скажу ближе к выходным. Хорошо?

Увидеться с друзьями хотелось, но еще больше хотелось увидеться с Рэйнаром. Не представляю, правда, что я буду делать до пятницы... Хотя рабочая неделя пролетает быстро. На следующей уже день рождения Танны, надо будет ей еще подарок купить. Напомнить отчиму, присмотреть кафе – все-таки шестнадцать лет, совершеннолетие. Надеюсь, все получится, особенно надеюсь на кафе: дома послать кого угодно проще, чем на людях. Хотя сдается мне, Танны и публичность не остановит, но будем верить в лучшее.

– Договорились, – Дрэйк поцеловал меня в щеку.

– Передавай привет Лэм.

– Обязательно.

Лампы вокруг зеркала гудели. Сколько раз говорила Клари, чтобы она их выключала, когда уходит. В последнее несколько дней они дико шумят, когда перегреваются. Эвель обещала прислать мастера, но видимо, у нее не дошли руки. Или мастер не дошел. Надо будет напомнить.

Цветов сегодня было не очень много, зато перед зеркалом лежала коробочка. Небольшая такая, сочно-изумрудная, как трава в рекламе виртуальной реальности «Другая жизнь» про мир без драконов и магии. Эта тема с каждым днем становится все более и более популярной. Когда снимут фильм по книге «Мир без тебя», обязательно пойду. Очень хочу посмотреть это кино, наверняка будут невероятные спецэффекты. Интересно, кого пригласят на главные роли?

Прикоснулась к коробочке, повторяя пальцем стильный черный узор: визитки не было, но я сразу подумала про Рэйнара. И улыбнулась.

Вот же... ему только волю дай, что на этот раз? Бриллианты и билеты в оперу были. Развязала бант, потянула крышку наверх, и тут в гримерную заглянул Дрэйк.

– Слушай, Бри, я тут забыл спросить по поводу...

Договорить он не успел, потому что я все-таки открыла подарок.

И в лицо мне ударил черный гудящий рой.

Кожу обожгло дикой болью, снова и снова. Вскинула руки, закрывая лицо, когда меня схватили за плечи и толкнули к двери. Мы вылетели в коридор, и пианист запечатал жужжащее облако в гримерной. Привалился к стене, но тут же отпрянул.

– Зар-паза!

Хлопок, словно надутый пакет лопнул.

На самом деле широкая ладонь друга с размаху впечатала в стену что-то. Или кого-то.

Скула горела так, словно меня приложили лицом к раскаленной гладильной установке. Так же горели шея, ухо и руки, коридор начинал расплываться перед глазами. Я бы упала, если бы Дрэйк не подхватил.

– Бри! Тихо-тихо-тихо... – он уговаривал меня так, словно я была ребенком и собиралась плакать.

Откуда-то вынырнул Смерч, бессменный секретарь Эвель. На краю сознания мелькнула мысль, что после выходных она постоянно засиживается допоздна.

Увидев нас, блондин как-то подозрительно побледнел.

– Что за...

– Врача вызывай, живо! – рявкнул Дрэйк. – И Эвель сообщи! Не стой столбом, твою ж...

Сильный голос выдернул из оцепенения так же, как минутой раньше мужчина выдернул меня из гудящего смертоносного роя. Меня затрясло, я вцепилась в друга мертвой хваткой, словно кто-то собирался отрывать. Слез не было, но это упущение с лихвой искупала дрожь. Моими зубами только барабанные ритмы перебивать, громыхали они как неисправные жалюзи под порывами ураганного ветра. Не спасали даже сильные руки Дрэйка.

– Все, Бри, все... они тебя не тронут.

Он погладил меня по волосам, мягко отстранился, заглядывая в лицо.

И поморщился.

А потом попытался взять на руки, но я покачала головой.

– Сама дойду.

Вопрос в том, куда.

– Точно? – Дрэйк посмотрел с сомнением, но все-таки осторожно приобнял за талию.

Мы медленно петляли знакомыми коридорами Ландстор-Холл, приглушенное мерцание ламп в стеклянных ловушках «под старину», темно-красный и золото, фото на стенах и квадраты модульных зеркал. Кажется, мы двигались в направлении кабинета Эвель, и очень скоро выяснилось, что я не ошиблась: в приемной нас уже встречал взволнованный Смерч.

– Веди ее туда, – он коснулся ладонью панели, и дверь в начальственный кабинет открылась. – Врача вызвал, Эвель сообщил. Она только-только уехала, но уже возвращается.

Вернулась та и впрямь быстро: к тому времени моя шея уже сама напоминала гладильную установку. Не знаю, как насчет промышленных масштабов, но ложки об нее точно можно было плавить. Начальница побледнеть не успела, следом за ней влетел врач и устремился к диванчику, на который меня усадил Дрэйк. Молодой мужчина с залысинами, довольно приятный. Кажется, я его даже узнала: он работал в частной клинике и дружил с Эвель. Приезжал на вызов, когда одна из танцовщиц «случайно» упала на лестнице и сломала ногу перед премьерой.

– Эсса Ладэ, ну-ка... смотрите на меня... А вот это на сгиб локтя.

Мне тут же всучили обезболивающую саморастворяющуюся пластинку, которую я послушно приложила к коже. По мере того, как отступала боль, сознание прояснялось.

– Это для вас, эссерд Беркинс.

Такую же мужчина протянул Дрэйку.

По просьбе врача что-то принесли на подносе. Глянув туда, отпрянула.

– Мерзость какая... бр-р-р... – произнес Смерч и приподнял дохлую пчелу за крылышко.

– Это не мерзость, эсстерд Харрис. Рагранская пчела.

Черное, с белыми полосками существо, размером с треть моего мизинца. Вымирающий вид, который держится только благодаря частным пасечникам, вкладывающим в разведение огромные деньги. В отличие от Аронгары, где пчеловодство поставлено на поток, в стране, откуда я родом, совсем другие приоритеты. Тем не менее рагранский мед самый вкусный и натуральный, поэтому цена у него запредельная. Пчелка, что сейчас валялась на подносе кверху лапками, стояла целое состояние. Одна. А сколько их было в той коробке?

– Вам повезло, эсса Ладэ, что у вас нет аллергии, – врач прервал ход моих мыслей. – Но антигистаминный препарат я все равно вколю. Он без снотворного эффекта, так что отвечать на вопросы сможете.

Кивнула, не особо отдавая себе отчет в том, на что соглашаюсь.

Кто мог позволить себе такой «подарок»?

Только иртханы...

Рагранские пчелы – отсылка к моему происхождению.

В кабинете Эвель становилось все больше народа: сначала появилась насмерть перепуганная Клари, которую привел охранник. Потом нарисовался начальник службы безопасности Ландстор-Холл: крепкий, седовласый мужчина с широкими плечами и удивительно теплым для его профессии взглядом карих глаз. Меня уже не трясло, но друг не отходил ни на шаг, как заправский телохранитель. Ему тоже досталось – сейчас он напоминал боксера, который пропустил удар: одна губа раздулась, левый глаз заплаыл.

Не хотелось даже думать, как выгляжу я.

– Можно мне зеркало?

– Зеркало подождет, эсса Ладэ, – по лицу врача стало ясно, что он думает о такой идее.

Убедившись, что обезболивающая пластина растворилась, мужчина принялся колдовать над моим лицом и руками. Я чувствовала только касания пальцев и покалывание: легкие, далекие, как надавливание на кожу через подушку. Даже обещанный укол оказался едва ощутимым, я ойкнула скорее по привычке.

– Ну вот и все. Почти.

Эвель куда-то постоянно выбегала, трясущаяся Клари рассказывала безопасникам, что коробку ей вручил посыльный, с «суммой сверху». Это означало, что подарок нужно положить на самое видное место в гримерной. На такого рода чаевые в Ландстор-Холл всегда закрывала глаза, потому что у певиц и танцовщиц было множество поклонников. Некоторые предпочитали сохранять инкогнито, за букеты и подарки без подписи платили даже больше, чем за именные. Поэтому гримерша принесла коробку, поставила на столик и даже лампы включила, чтобы обратить внимание.

– Проверьте камеры, – донесся до меня резкий голос Эвель.

– Записи уже у вас на почте.

– Так, эсса Ладэ. Теперь просто сидим, хочу понаблюдать за вашим состоянием. Но если я прав, все обошлось.

– Зеркало принесли? – голос Эвель. – Леона, детка, как ты себя чувствуешь?

Вот что мне еще непонятно, так это с какой радости вокруг такая суета?

Глянула в зеркальце, которое мне подал Смерч, и зажмурилась. Онемевшая из-за лекарств скула выглядела страшно: укус с нее «растекся» на щеку, ухо напоминало парус, а шея с правой стороны полыхала огнем. Отнюдь не в поэтическом смысле слова, увы.

– Не расстраивайтесь, – снова подал голос врач. – Выпишу вам мазь и пластины, которые нужно будет накладывать каждые два-три часа. Сильнодействующие и

дорогие, результат того стоит, но к сожалению, быстро избавиться от следов все равно не получится.

Современная медицина способна справиться с серьезными ранениями и переломами в считанные дни – была бы страховка или деньги. А пчелиные укусы придется лечить аккурат столько же, если не дольше.

Парадокс.

– Эстерд Беркинс, присядьте сюда. Повезло, что вы оказались рядом.

Да, мне основательно повезло. Повезло, что я отвернулась к Дрэйку – лицо почти не пострадало. Повезло, что реакция у него хорошая: пианист выдернул меня из роя, вытолкнул за дверь и запечатал «подарочек» в гримерной.

Тут только я вспомнила, что вместе с пчелами в гримерной остались все мои вещи, в том числе и мобильный. Что Рольген должен был меня встречать – сколько: полчаса, час назад? У меня даже волосы на голове зашевелились. Что он мог подумать, если я не вышла, не отвечаю, вообще не подаю никаких признаков жизни? И почему, если он должен меня охранять, его до сих пор здесь нет?

– Эсса Ладэ, вы готовы ответить на несколько вопросов? – ко мне приблизился начальник службы безопасности.

Ответ мы с ним получили одновременно, потому что дверь в кабинет снова распахнулась.

Все присутствующие замерли, как на стоп-кадре: на пороге стоял Халлоран.

Глава 4

Взгляд Рэйнара метнулся ко мне, но я резко выдернула заколку-стилет и тряхнула головой. Теперь из шалаша пряжей торчали только нос и подбородок. Сама мысль о том, чтобы показаться ему в покусанном виде была страшнее, чем добровольная попытка сунуться к рагранским пчелам.

– Местр Халлоран... – первой в себя пришла Эвель. Ее обычно резковатый голос, отмеченный легкой хрипотцой, стал мягким и текучим. – У меня есть записи с камер, мы как раз собирались узнать, что...

– Передадите записи ферну Норгхару.

– Да-да, конечно. Я обещала, что мы обеспечим вам все необходимое.

– Надеюсь. Потому что безопасность собственных сотрудников вы обеспечить не в состоянии. – Холодом этого голоса можно было выстудить весь Ландстор-Холл.

Благородная бледность Эвель стала еще благороднее, это было единственное, что я успела заметить. Иртхан направился ко мне, присутствующие с его пути разлетались в разные стороны как щепки. Еще чуть-чуть – и он будет рядом. Еще чуть-чуть, и...

Я взвилась в воздух, как долгие годы стянутая пружина. С усердием, достойным чемпиона мира по гратхэнду, ушла из-под рук попытавшегося меня перехватить Смерча и вылетела в приемную. Вожделенная дверь уже была прямо по курсу, когда прямо по тому же самому курсу нарисовался фервернский айсберг. В Норгхара я влетела с тревожным писком, как виарчик, который совершает свой первый полет. Начальник службы безопасности Мэйстона не позволил улететь дальше, а в следующий миг меня подбросило в воздух ураганом Рэйнар.

Подбросить – подбросило, но к груди прижало на удивление бережно. И прежде чем я успела опомниться, уже вынесло из кабинета, на ходу бросив:

– Разберись.

– Рэй, – фервернские морозы инеем поползли в приемную, – не думаю, что...

– Не думай. Просто разберись.

Стоило нам оказаться в коридоре, рванулась.

– Пусти!

– Даже не пытайся, – прирыкнули на меня. Не то чтобы очень грозно, но внушительно, драконица пригнулась к земле и спрятала хвостик между ног.

Трусливое чешуйчатое.

– У меня в примерной телефон, – заметила храбрая я. – И вещи.

– Их заберут. Привезут вместе с лекарствами.

– А...

– Не спорь, Леона. Не сейчас.

Обиженно засопела, но связываться – себе дороже: в лучшем случае меня просто заткнут приказом. Хочет, чтобы молчала, буду молчать. Да я вообще с ним больше разговаривать не буду. Командир выискался, свалился же на мою голову, и никак не взлетит обратно. Принялась считать узорчики на настиле, смягчающем грозную поступь Рэйнара Великого. К счастью, в такое время коридоры Ландстор-Холл пустынные, по дороге нам даже никто не попался. Лифты принесли на стоянку, где меня ссадили с рук не менее бережно, чем до этого держали.

– Садись в машину.

– Я к тебе не поеду, хочу домой.

– Садись, Леона, – вкрадчивый, угрожающий голос. – Больше повторять не буду.

Плюхнулась на сиденье и надвинула волосы на глаза, как паренек из фиянского ужастика, вылезавший из труб центрального отопления в высотке.

В отличие от флайса Приста, здесь безраздельно царил запах Рэйнара, горьковато-терпкий. Кожаное сиденье под ладонями оказалось никаким, ни холодным, ни теплым. Только сейчас поняла, что я почти ничего не чувствую из-за обезболивающего.

Флайс взмыл ввысь по рукаву-коридору, а я уткнулась взглядом в заслонку, отделяющую салон от водителя. Сейчас она была поднята: серебристо-стальное, полупрозрачное стекло, чтобы во время поездки наслаждаться обзором, как тебе угодно. Водитель не оборачивался, но даже случись ему обернуться, нас с той стороны все равно не видно.

– У тебя инстинкт самосохранения есть? – припечатал иртвах.

Промолчала, продолжая сердито сопеть. Мало того, что меня вынесли как кулек с литтоновыми ягодками, так еще и нарычали. Очаровательно!

– Ты работаешь в шоу-бизнесе. Это тебя осторожности не научило?

– Пчел мне подарили впервые.

И не только пчел. За все время работы в Ландстор-Холл я один-единственный раз обнаружила в тувельке крошево из стекла. К счастью, до того, как сунула туда ногу перед выходом на сцену. С тех пор тувли я всегда проверяю.

– Как тебе взбрело в голову открыть гудящую коробку? – Упорно на него не смотрела, только чувствовала раздражение, волнами расходящееся по салону.

– У меня лампы в гримерной гудят!

– И поэтому надо всякую дрянь подносить к лицу?! – рявкнул он. – О чем ты вообще думала?

На глаза навернулись слезы.

– О том, что она от тебя.

После этих слов воцарилась тишина.

Меня накрыло и хотелось разреваться уже по-настоящему. Так, чтобы затопить весь салон вместе с его ирхамством. А почему молчал он, понятия не имею.

Молчал долго, пока не вернулся в эфир уже совсем другим голосом:

– Леона, посмотри на меня.

Пальцы легли на подбородок. Мягкое прикосновение, ласка. Которую я почти не почувствовала из-за дурацкого лекарства и которую так хотела продлить, но вместо этого мотнула головой.

– Не трогай.

– Леона.

– Не хочу, чтобы ты видел меня такой, ясно?

– Ясно, – вздохнули справа. – Яснее некуда.

А потом все-таки развернули лицом к себе.

Хотела брыкнуться, но почему-то замерла. Просто до ужаса захотелось потянуться губами к губам или дотронуться до резко очерченного подбородка. Соскучилась? Да, отчаянно, до дрожи, хотя расстались только сегодня утром. Точнее, уже вчера, но как же дико хочется обнять, прижаться, дышать им. Дышать полной грудью.

– Можно? – пальцы легко коснулись щеки.

– Я лунолика, – предупредила тихо, глядя в тот самый желанный подбородок. – Два кратера, пять горок. Напугаешься, будешь плохо спать по ночам.

Вместо ответа он осторожно приподнял завесу волос, убирая пряди за уши. Одну за другой. У меня даже сердце замерло: страшно, аж жуть. Страшно увидеть разочарование или безразличие. Страшно понять, что... Неуверенно подняла глаза, и словно в яростный зеленый огонь шагнула: так на меня смотрели.

Яростью окатило, как бурлящей лавой. На миг показалось, что меня сейчас снова покусает, только гораздо больнее пчел.

– Тот, кто это сделал, за это ответит. Слышишь?

Низкий голос Рэйнара. Искренность, сильнее которой что-то придумать сложно.

Всхлипнула и вздрогнула от ожегшего губы поцелуя. Обжигающего даже сквозь забытие обезболивающего.

Выпала из реальности, танцуя в языках охватившего нас пламени. Вместе с ним.

Почему... почему так?

Каждый миг как на вулкане. Как на краю переполненной огнем бездны, выброс которой способен стереть любого, оставив лишь тень на камнях.

Но падать в нее было совсем не страшно.

Только с ним я чувствовала так остро.

Так сладко.

Так жадно.

Каждый раз как первый или последний.

– Леона, – хрипло выдохнул он – отстраняясь лишь на миг, чтобы крепче прижать к себе. – Я просто обезумел, когда мне позвонила Эвель.

Эвель?

– В Ландстор-Холл ты больше не вернешься.

Шмяк.

Примерно с таким звуком упали последние слова на мой и без того беспокойный разум.

– Эм, – сказала я, осторожненько выворачиваясь из объятий, – Рэйнар, это моя работа.

– Подвергать опасности свою жизнь я тебе не позволю.

– Какой опасности?!

– Самой непосредственной. Не знаю, как должна быть построена охрана, чтобы в клуб можно было пронести рагранских пчел.

Он смотрел на меня, хищно раздувая ноздри. Губы упрямо сжаты, а в глазах запечатано решение, обжалованию не подлежащее. То есть невозможность моего возвращения в Ландстор-Холл.

– Не могут же охранники вскрывать подарки! Все пропускается через стандартный детектор.

– Ключевое слово – стандартный.

Да что же он непробиваемый-то какой!

– Детектор рагранских пчел еще не придумали, – заметила я, начиная заводиться.

Откинувшись на спинку сиденья и сложила руки на груди, разглядывая город в огнях. Тут и там мелькали змейки аэроэкспрессов, рекламные щиты сменяли один другой с такой скоростью, что уцепиться взглядом за что-то одно не представлялось возможным.

– Дело не в пчелах.

– А в чем?

– Ты понимаешь, что могла пострадать гораздо серьезнее?

А то нет. Рагранские пчелы – это не мелкая пакость и даже не стекло в туфельки. Если бы Дрэйк не выдернул меня из черного облака, валялась бы сейчас в больнице с лицом, напоминающим пирог криворукого кулинара. Другу тоже досталось. Ему завтра выступать, и в отличие от меня, Дрэйку не прикроешь заплывший глаз длинными волосами.

Напихать бы этому дарителю рагранских пчел в трусы.

– Понимаю. Но прятаться за твоей спиной и толпой охранников не стану. Мне нравится петь, сцена – это моя жизнь. Если помнишь, твои цветы передали таким же образом. И точно так же положили к зеркалу.

Вспомнила букет аррензий, и на сердце потеплело.

– Не путай цветы с угрозой для жизни.

– Я все равно буду петь.

– Вот как, – хмыкнул он.

– Именно так.

– Это называется, обсуждать, Леона?

Так-так-так, вот только давайте без этого. Знаю я ваши дипломатические штучки.

– Обсуждение – это когда двое взрослых людей садятся друг напротив друга и говорят, – заметил Халлоран.

– Да неужели? И когда кто-то из этих взрослых людей сразу решает, что он прав.

– Давай договоримся так: ты не станешь выступать, пока я не найду и не накажу виновных.

Недоверчиво покосилась на него.

– И ты, конечно же, расскажешь, кто это был?

– А ты хочешь это знать?

– Меня нашпиговали жалами, как природа иглорыцку. Разумеется, я хочу это знать.

– Узнаешь.

Лично я сильно сомневалась, что теперь найдутся концы: не зря же самого Норгхара выдернули в Ландстор-Холл. Нет, эта история решится тихо и мирно, до людей вообще ничего не дойдет. Кого надо попросят молчать, внушительно так попросят. Еще бы! Кому я насолила настолько, чтобы передать мне такой привет, а главное, кто настолько уверен в своей безнаказанности? На ум почему-то сразу приходила Ирргалия. Местрель Стоунвилл – личная гостья матери Рэйнара. И что он ей сделает? Погрозит пальчиком или разложит на кровати, как меня, и ремнем помашет?

Три ха-ха.

– Ты сомневаешься в моих словах? – резко спросил Халлоран.

Видимо, что-то такое отразилось на моем лице.

Недоверчивое.

– Не сомневаюсь.

– Тогда в чем дело?

– Дело в том, что между нами пропасть, Рэйнар. Пропать между нашими мирами. Она просто есть, и с этим ничего не поделать.

– Пропать только в твоей голове, Леона.

– Неужели?

– Да. Смотри.

Только сейчас поняла, что мы уже снижаемся. И что пейзаж вокруг поразительно напоминает Четвертый остров. А вот и родная высотка, всего семьдесят пять этажей, из которых пять нижних отведены под флайсы жильцов, места продаются вместе с квартирами.

– Ты привез меня домой?

– Ты об этом просила.

Ну вот как с этим мужчиной общаться?

Сначала в приказном порядке заявляет, что я не вернусь на сцену, потом отвозит домой, потому что я попросила.

Флайс аккуратно пристроился на временную парковку среднего уровня. Следом опустились еще два: оказывается, все это время нас сопровождала служба безопасности. Халлоран помог мне выйти, накинул на плечи пальто – мое осталось пчелам, и подал руку, провожая по дорожке. Порыв ветра ударил в спину, но покусать уже не мог. Пальто было хорошее. И одуряюще пахло Рэйнаром.

– У меня там сестра, – напомнила я.

– Пятнадцать лет, помню. Она все равно узнает, – иртехан коснулся панели вызова и подтолкнул меня в гостеприимно раскрывшийся лифт, – так почему не сегодня.

После такого заявления даже забыла, что хотела сказать.

– Я спать хочу, – выдала первое, что пришло в голову.

– А я хочу уложить тебя спать, – хмыкнул он.

– И колыбельную спеть? – не удержалась.

– Это не самая сильная моя сторона. Ты когда-нибудь начнешь мне доверять, Леона?

Рука в его руке нагрелась. Это было удивительно тепло.

А еще страшно. Потому что однажды уже было тепло, но тогда мне поставили условие: или я, или Ландстор-Холл. Тогда было просто тепло, с Рэйнаром – жарко, горячо, пламенно, невыносимо – до безумия. Что я буду делать, если однажды снова окажусь перед выбором? Превращусь в уголек.

– Я учусь, – сказала тихо. – Правда. Просто у меня не всегда получается.

– Вот и я учусь, – сказал он. – В моей жизни раньше не было женщин, которые так отчаянно сопротивляются тому, чтобы о них заботились.

– Спокойно, наверное, было.

– Скучно.

Пока я пыталась придумать, что бы еще такого умного сказать, мы приехали. Ключи тоже остались в примерной с пчелами. Эта мысль посетила меня в тот момент, когда за спиной пикинул соседний лифт. Двери разъехались в стороны, выпуская в наш уютный маленький холл безопасников, которые тут же кордоном растеклись по этажу. А Халлоран, не дожидаясь вертевшегося на языке вопроса, уже нажал кнопку звонка.

Щелчок, и перед нами предстала сестрица в пижамке с литтоновым ягодками.

Выражение ее лица однозначно говорило о том, что она сомневается в своих умственных способностях.

– Добрый вечер, – сказал Рэйнар.

– Ыыы... – ответила Танни.

Тут только до меня дошло, что сейчас предстоит как-то представить его сестре.

Пока представляла представление в красках, мы просочились – если так можно назвать уверенный шаг и ускорение, которое придали объятия. Вот тут уже я сама влетела в квартиру, наткнувшись на любопытный взгляд Марра. Зарегистрированный и ныне законный гражданин Аронгары взирал на правящего с нескрываемым интересом. Взгляд сестры стал более осмысленным, хотя она теперь созерцала безопасников, рассредоточившихся по этажу. К счастью, сейчас глубокая ночь. Рэйнар заберет их раньше, чем кто-то из соседей решит, что в нашем доме проводится спецоперация по захвату опасных преступников или снимают кино.

Поскольку Танни залипла, пришлось самой захлопнуть дверь.

– Местр Халлоран, это моя сестра, Танна Ладэ. Тан, это местр Халлоран, мой...

Вот тут драконище так улыбнулось, что я чуть сердце не проглотила.

– Хороший друг.

– Очень приятно, эсса Ладэ, – негромко произнес он.

– О, – сказала сестрица. – Мне тоже. Очень приятно, в смысле. Ко мне можно просто по имени.

– Договорились.

Халлоран прошел вперед, а Танни шустро ткнула пальцем ему в спину, потом на меня, и нарисовала в воздухе сердечко. Я сделала большие глаза. И строгие. Надеюсь. Но сестру почему-то не впечатлило. Возможно, потому что это был всего один глаз – я снова надвинула волосы на лицо с покусанной стороны.

Зато мы обе подпрыгнули, когда он обернулся.

– Танна, вас не затруднит сделать мне кофе?

– Э... да. Конечно.

Танни сдуло из холла. Марр остался, взирал на нас, наклонив голову.

А я думала о смысле жизни: чтобы сестра делала кому-то кофе? Она и себе-то не всегда делает.

– Даже не представлял, что ты бываешь настолько вежливой, – хмыкнул Рэйнар, помогая мне снять пальто. Впрочем, снять – это сильно сказано, он просто позволил ему соскользнуть с плеч и устроил где положено, как если бы я была в этом доме гостьей.

– Не последний сюрприз, который тебя ожидает, – вернула ему шпильку.

– Даже не сомневаюсь.

– Ты вообще никогда не сомневаешься, – хмыкнула я.

– Разумеется. Сомнения – пустая трата времени. Кстати, мне понравилось твоё определение «хороший друг».

– А кто ещё? – невинно пожала плечами. – Кстати, ты тоже сегодня чересчур вежливый. Подозрительно.

– Я всегда вежливый.

– Да ну?

Халлоран прищурился, а я опустилась потрепать Марра по голове. Тот довольно потерся о ладони, выпустил струйки дыма из ноздрей и распушил шерсть цветочком: доволен жизнью на все сто. Судя по всему, с ним уже погуляли, и покормили. Поэтому живейший интерес виара сейчас вызывал только высокопоставленный гость. В случае с Марром высокопоставленный в трех плоскостях – по своему происхождению, по росту и по статусу в драконьем мире. Постукивая кончиком хвоста по полу, виар не забывал смотреть на него – можно ли так открыто ко мне приставать.

Вот ведь...

– Кофе готов! – донеслось с кухни.

– Замечательно, – Халлоран взял меня за плечи и увлек в гостиную.

Сразу к лестнице.

– Ммм... мы же кофе пить собирались.

– Мы с твоей сестрой. А ты, если не ошибаюсь, хотела спать.

– Ты что, меня выставля...

Тут я замолчала, потому что в гостиной нарисовалась сестра.

– У Леоны сегодня был очень тяжелый день, – сообщили за меня. – Поэтому она нас оставит.

Моя челюсть удержалась на месте только потому, что рядом была Танни.

Что касается сестры, она восприняла это заявление как-то чересчур философски. Поправила сползшую с плеча ляпочку, плотнее запахнула домашний халатик, который уже успела набросить, и заявила:

– Спокойной ночи.

– Спокойной.

Топая наверх, я мысленно пожелала Халлорану облиться кофе. Впрочем, кое-что хорошее в случившемся тоже было: сестра не увидит моей устрашающей физиономии, и не будет лишних расспросов. По крайней мере, сегодня, потому что устала я дико. Правда, не факт, что засну, рагранские пчелки до сих пор жужжат в ушах. Да и любопытство не желало засыпать вместе со мной – разве можно такое пропустить? Знаю, что подслушивать нехорошо, но все равно же не засну. Пока не узнаю, о чем они там беседуют.

А, ладно, если один раз, то можно.

Наскоро переодевшись в домашние брючки и кофточку, выждав пару минут, я тихонечко приоткрыла дверь.

Убедившись, что путь свободен – в гостиной не наблюдалось даже Марра, осторожно направилась к лестнице. Бесшумно ступая босыми ногами по ковровину, подкралась поближе. Насколько возможно: на кухню уводит широкая арка, из которой все отлично просматривается. Как назло, разговаривали они негромко, отсюда не расслышать, о чем. Нахмурилась – не вернуться ли назад, но тут снизу донесся смех Танны.

Смех? Танны?

Да она в жизни не смеется рядом с малознакомыми людьми!

Даже улыбается из великого одолжения.

Тут меня осенило идеей. Если примерно на середине лестницы перелезть через перила и, осторожненько придерживаясь за металлические столбики, спуститься вниз, то из арки меня не заметят. Посижу у стены рядом с кухней, послушаю и вернусь тем же путем. Марр, судя по всему, тоже увлечен второй встречей, а может, ему еды пообещали. В общем... в общем, я перекинула одну ногу через перила, потом вторую. Оказавшись на тоненьком краешке ступеньки, вцепилась в столбики, перенося вес на руки. Ладони заскользили по металлу, перед глазами мелькнули темные змейки поручней. А потом я поняла, что мне не хватает роста.

То есть вот совсем чуть-чуть, сантиметров тридцать.

А в гостиной у нас наливные полы с черно-белым узором. Если прыгнуть, звук будет смачный – «чвак». Да и потом, если я отсюда спрыгнуть не могу, то как потом обратно залезать? С разбега?

С досады мысленно ругнулась. Попыталась забраться на ступеньку, но не получилось. То ли всему виной обезболивающее, то ли я просто устала: руки отказывались вытягивать меня вверх. Попытка закинуть ногу закончилась тем, что я чуть не сорвалась, а из кухни выбежал Марр. Цокая когтями устремился ко мне и принялся нарезать круги, то и дело тыкаясь горячим носом в пятки. Осознание горячего носа заставило меня понять две вещи: скоро закончится

действие обезболивающего, а еще сюда сейчас точно кто-нибудь выйдет.
Разузнать, что же такого интересного происходит в гостиной.

– Марр, – пробормотала еле слышно. Слышно скорее для себя. – На кухню! Живо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/marina-eldenbert/poyuschaya-dlya-drakona-kniga-2-plamya-v-tvoih-rukah>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)